СМЫСЛЪ ИСТОРІИ

И

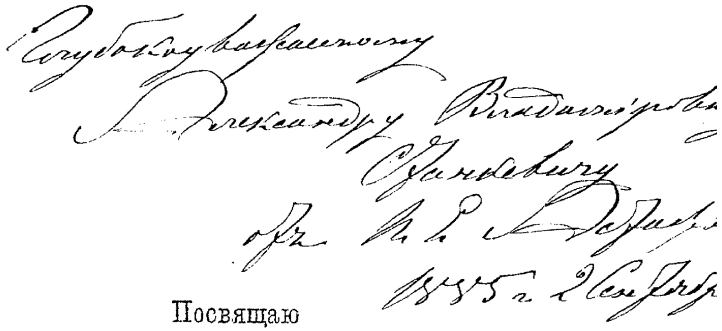
ИДЕАЛЫ ПРОГРЕССА.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ,

читанныя въ Москвѣ 15-го и 17-го Марта 1885 года.

П. Е. Астафьева.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Л. Ѳ. СНЕГИРЕВА. ОСТОЖ., САВЕЛ. ПЕР., Д. СНЕГИРЕВОЙ.
1885.



Посвящаю

дорогому другу и родному

Николаю Михайловичу

БОБОРЫКИНУ

1885 года, 10-го Іюня

П. Е. Астафьевъ.

D
16
.8

143676

Уже въ первой, еще юношески незрѣлой научной работѣ моей (*Монизмъ или Дуализмъ?* вступительныя лекціи. Ярославль. 1873 г.) я высказывалъ какъ умѣлъ тогда отрицательное отношеніе къ тѣмъ чертамъ, которыми характеризуется представленіе *теоріи прогресса* о будущемъ, «идсальномъ» строѣ человѣческой жизни,—космополитическомъ, раціоналистическомъ, эгалитарномъ и автоматическомъ. Уже тогда я видѣлъ смыслъ исторіи не въ добытыхъ ею конечныхъ результатахъ, но въ ея *внутреннихъ* мотивахъ, въсамомъ развитіи. Съ тѣхъ поръ понятія мои въ этомъ направленіи *только* систематизировались, уяснялись и опредѣлялись. Подъ впечатлѣніемъ книги К. Н. Леонтьева «Византизмъ и Славянство», послѣднія главы которой представляютъ очень яркое и талантливое изображеніе идеальнаго, по теоріи прогресса, эгалитарно-либеральнаго строя жизни, (тоже въ *отрицательномъ* смыслѣ)—но оставляютъ нарисованную картину и безъ научнаго объясненія и вывода (авторъ признаетъ самъ за своею работой лишь семіологическое но не этіологическое значеніе), какъ и безъ всякой систематизаціи, которая уясняла бы *внутреннюю сопринадлежность* ея существенныхъ чертъ *),—я рѣшился изложить мои понятія объ этомъ предметѣ въ отдѣльной, болѣе систематической работѣ. Плодомъ явилась монографія на тэму: «почему и для чего человѣкъ имѣетъ исторію?» Въ ожиданіи стеченія всѣхъ тѣхъ условій, которыя должны оказаться на лицо для того чтобы могло состояться изданіе этой болѣе обширной работы (а ожидать этого можно такъ долго еще!) я въ настоящей брошюрѣ предлагаю пока читателю *извлеченіе* изъ нея, въ которомъ впрочемъ надѣюсь, что все *существенное* въ рядѣ мыслей, получившихъ тамъ болѣе полное и подробное развитіе, приблизительно высказано. Да послужитъ эта краткая исторія происхожденія предлагаемой брошюры извиненіемъ ей въ глазахъ читателя за объясняемыя этой исторіею неполноту и иногда чрезмѣрную сжатость изложенія,—отсутствіе историческихъ и литературныхъ указаній и т. п. Отъ «плывущихъ по теченію» — подобныя извиненія были бы ненужною роскошью; но плывя *противъ* теченія трудно забыть автору, что

der schrecklichste der Schrecken
Ist der Mensch in seinem Wahn,

будь послѣдній даже и классическій «благосклонный» читатель!

П. Е. Астафьевъ.

Москва, 1885 г. 10 іюня.

---

*) Откуда въ книгу г. Леонтьева закралось и много ненужнаго и даже невѣрнаго.

СМЫСЛЪ ИСТОРІИ

И

ИДЕАЛЫ ПРОГРЕССА.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ,

читанныя въ Москвѣ 15-го и 17-го Марта 1885 года.

П. Е. Астафьева.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Л. Ѳ. СНЕГИРЕВА. ОСТОЖ., САВЕЛ. ПЕР., Д. СНЕГИРЕВОЙ.
1885.

Дозволено цензурою. Москва, 1885 года 20 іюня.
Цензоръ Архимандритъ **Амфилохій**.

ФУНД... ...ЬНАЯ
Б... А
Обще... Наук
Академ... ...ук СССР
520
59

Смыслъ исторіи и идеалы прогресса.

Двѣ публичныя лекціи.

I-я ЛЕКЦІЯ.

Мм. Гг.

Предметомъ моей бесѣды съ вами я избралъ на этотъ разъ вопросъ о *внутреннемъ смыслѣ* исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—возможную, въ предѣлахъ публичной лекціи, *оцѣнку* существующихъ разнообразныхъ пониманій задачи исторіи,—*понятій о томъ, что даетъ ей смыслъ и оправданіе*, какъ въ глазахъ самого переживающаго и дѣлающаго ее человѣка, такъ и въ глазахъ спокойно изучающаго ее издали историка. Выбралъ я *этотъ*, а не другой вопросъ въ виду того чрезвычайно важнаго и общаго *интереса*, который принадлежитъ ему и вообще и въ наше время - въ особенности. Какъ извѣстно, изъ всѣхъ земныхъ существъ *одинъ человѣкъ имѣетъ исторію*; одинъ онъ и пользуется ея плодами и несетъ ея тяготы; одинъ онъ въ своихъ поступкахъ *руководится и своимъ пониманіемъ той роли*, которую призванъ выполнить въ исторіи, служа своею личною жизнію къ осуществленію ея общихъ задачъ, связующихъ все прошедшее человѣчества со всѣмъ его будущимъ. Одинъ человѣкъ имѣетъ и *лѣтопись и преданіе* на ряду съ этими своими понятіями о своихъ историческихъ задачахъ и своихъ историческихъ обязанностяхъ. Это такъ потому, что *одному* только человѣку на земномъ шарѣ недостаточно еще *пережить* свою жизнь просто такъ, какъ она *дана* ему, — въ дурныхъ ли, въ хорошихъ ли условіяхъ; — ему нужно еще и какъ-либо *понять* и *оправдать* ее передъ собственнымъ сознаніемъ. Это ему необходимо до тѣхъ поръ, пока онъ въ своей дѣятельности остается *сознательнымъ*, пока онъ своими дѣйствіями стремится осу-

ществить какія-либо свои сознанныя *цѣли*, *свои понятія* о должномъ, достойномъ и желательномъ. Менѣе какого-либо другаго существа способенъ человѣкъ наслаждаться просто чувствомъ, что онъ *живетъ*; — онъ требуетъ *непремѣнно* и отвѣта на вопросъ: *почему* и *для чего* именно онъ живетъ?, — также какъ и для всякаго сознательнаго дѣйствія своего требуетъ онъ необходимо не только наличности какого-либо *побужденія*, желанія, но и — какого-нибудь опредѣленнаго понятія о томъ, *почему и для чего* ему поступать *такъ*, *а не иначе?* Всѣхъ этихъ вопросовъ нѣтъ ни у предметовъ безсознательной природы, ни у животнаго. Нѣтъ въ ихъ дѣйствіяхъ и того *разнобразія*, *тѣхъ колебаній и ошибокъ*, которыми характеризуется всякая человѣческая жизнь, и которыя вносятся въ нее именно этими, чуждыми безсознательной природѣ и животному, вопросами съ ихъ возможными *разнообразными*, ибо добываемыми работой собственной мысли, рѣшеніями. *Свободныя* отъ нихъ — и природа и животное въ своей жизни *не колеблются*, *не заблуждаются и не грѣшатъ*, — а зрѣлище ихъ жизни не возбуждаетъ въ зрителѣ ни горькаго чувства негодованія, ни смѣха иронiи, ни чувства трагизма, ни чувства комизма. Все это составляетъ принадлежность *только человѣческой* жизни, которая вся совершается подъ руководствомъ всѣхъ этихъ, указанныхъ нами, вопросовъ и разнообразныхъ, — умныхъ или глупыхъ, полныхъ или неполныхъ, искреннихъ или неискреннихъ, корыстныхъ или безкорыстныхъ отвѣтовъ, которые дастъ на нихъ человѣку его собственное сознаніе, какъ плодъ его же собственной, дурной или хорошей, духовной работы. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ этого своего сознанія, до тѣхъ поръ не въ состояніи онъ отдѣлаться и отъ этихъ вовсе неутилитарныхъ, „праздныхъ“ вопросовъ, — и отъ необходимости какихъ-либо отвѣтовъ на нихъ, безъ которыхъ жизнь его лишена для него самого всякаго *смысла и оправданія*, а дѣятельность его — *руководства*.

Хотя вмѣстѣ съ ними вносится въ жизнь и возможность ошибки, заблужденія, и возможность подвига и преступленія, и трагическое и комическое, — но вмѣстѣ съ ними же вносится въ человѣческую жизнь и то *богатое разнообразіе* ея формъ и движущихъ ее стремленій, которое такъ

рѣзко отдѣляетъ ее отъ жизни природы и обусловливаетъ собою исключительно человѣческую *способность къ развитію*, исключительно человѣческое достояніе—*исторію*.

Безъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, безъ *самосознанія* словомъ, — будь оно дурно или хорошо, глубоко или мелко, —нѣтъ ни этаго разнообразія стремленій, характеровъ, понятій и поступковъ, ни возможнаго развитія, ни — слѣдовательно — исторіи. И *каково* самосознаніе человѣчества въ данную эпоху, — такова естественно и совершающаяся подъ его руководствомъ, направляемая имъ въ ту или другую сторону *дѣйствительная* жизнь его въ эту эпоху. Поэтому-то одинъ человѣкъ на земномъ шарѣ и несетъ *самъ нѣкоторую отвѣтственность* за свои судьбы. Поэтому же и одна человѣческая жизнь—и притомъ жизнь человѣка не бытоваго, но уже историческаго, сознающаго себя, — жизнь, въ которой идеалъ сознанія является *главнѣйшею* созидающею или разрушительною силою, — представляетъ примѣры такъ называемыхъ *безвыходныхъ* положеній.

Послѣднія неизвѣстны въ безсознательной природѣ, живущей, дѣйствующей и умирающей безъ какихъ-либо своихъ собственныхъ идеаловъ, безъ оцѣнки своей жизни. Ни капля воды, ни комета, ни кристаллъ, ни растеніе или даже животное – не знаютъ такихъ безвыходныхъ положеній; —въ ихъ жизни разрѣшеніе всякой задачи совершенно ясно и неизбѣжно, ибо — во всякомъ данномъ случаѣ — единственное возможное. Возникаетъ ихъ возможность лишь тамъ, гдѣ на мѣсто простаго *переживанія* своей жизни, какъ она *дана*, выступаетъ стремленіе *устроять* свою жизнь по своему разумѣнію, со всѣми соотвѣтствующими колебаніями, ошибками и разнообразіемъ задачъ и пріемовъ. Поэтому и знаетъ эти положенія одинъ только человѣкъ. Этой печальною повидимому привилегіей онъ обязанъ именно тому, что всякое дѣйствіе его есть осуществленіе какой-либо *сознанной и признанной* имъ желательною или достойною цѣли [1]),—что вся его внѣшняя жизнь есть лишь воплощеніе имъ во внѣ своего собственнаго, внутренняго міра [2]).

---

[1]) А сознавать и признавать желательнымъ и достойнымъ онъ можетъ столь многое и различное, и—съ такой различной степенью ясности, полноты и очевидности!

[2]) А этотъ внутренній міръ отъ его же собственной дѣятельности, разнооб-

И поэтому—когда въ послѣднемъ все смутно, все расшатано и хаотично, то и внѣшняя жизнь человѣка не можетъ принять никакого опредѣленнаго направленія и устойчиваго строя, но становится вполнѣ безвыходною и—чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе невыносимою. Когда мы говоримъ, что положеніе „безвыходно", это значитъ, что одновременно съ сознаніемъ всей его тягости существуетъ и полная неизвѣстность на счетъ того, *что* именно можно и что должно предпринять для выхода изъ него, для замѣны его другимъ, болѣе сноснымъ. Знаетъ здѣсь человѣкъ только одно то, что *нужно* измѣнить настоящее положеніе, нужно во чтобы то ни стало перейдти въ другое, но не знаетъ — *чѣмъ* замѣнить это тяжелое настоящее, — какъ, зачѣмъ и какого искать новаго положенія. Въ *этомъ* отрицательно—критичес. комъ характерѣ—именно и вся мучительность такъ называемыхъ безвыходныхъ положеній. Таковы въ личной жизни напр. состоянія крайняго ужаса, послѣднихъ степеней отчаянія и физической боли (вызываемыя только отрицательными, неопредѣленными, колеблющимися состояніями мысли и чувства) и т. п., дѣятельная реакція которыхъ выражается или въ оцѣпененіи или въ безмыслен ной безцѣльной, *неопредѣленной* по своему направленію, но тѣмъ болѣе страстной [1]) перемѣнѣ положеній, —въ метаніи, судорогѣ, агоніи. Въ жизни обществъ и народовъ эти судороги и метанія имѣютъ свой противень въ революціяхъ съ тою же неопредѣленной (ибо опирающейся лишь на отрицательную критику существующаго), а потому естественно и никогда неосуществимой цѣлью — измѣнить настоящее положеніе quand-même, на *какое-бы то* ни было другое, лишь-бы на другое. Конецъ этихъ метаній, судорогъ, этихъ страстныхъ и нерегулированныхъ порывовъ къ измѣненію ради голаго измѣненія, есть или истощеніе и смерть, или—выходъ изъ прежняго неопредѣленнаго положенія въ совершенно-опредѣленномъ, точно и ясно намѣченномъ направ-

---

разной и по направленію, и по энергіи, получаетъ ту или иную опредѣленность, тотъ или другой строй и содержаніе.

[1]) Напомнимъ психологическій законъ: эмоціональность душевныхъ движеній *обратно-пропорціональна* ихъ сознательности.

ленiи [1]). Безъ яснаго, опредѣленнаго самосознанiя, съ одною *отрицательной* критикою, съ *длящимся* хаосомъ въ области своихъ положительныхъ цѣлей, идеаловъ и критерiевъ жизни, нельзя человѣку долго прожить хотя-бы искусственнымъ подобiемъ исторической, культурной жизни. Быстрое *одичанiе* здѣсь неизбѣжно, такъ-же какъ неизбѣжна физическая смерть для существа, долгое время погруженнаго въ оцѣпенѣнiе ужаса, или мятущагося въ судорогахъ. Нельзя *жить* и тѣмъ болѣе *устроять* свою жизнь человѣку, который ясно знаетъ, лишь то, чего онъ *не* хочетъ и во что *не* вѣритъ, но не знаетъ и не ищетъ даже узнать, чего-же ему положительно хотѣть отъ себя и отъ жизни и во что вѣрить! [2]).

---

1) Напомнимъ читателю, знакомому съ психологiей, что *чувства* боли, отвращенiя и страданiя въ значительной мѣрѣ могутъ быть сведены уже теперь на чрезмѣрную трудность или невозможность *апперципировать* новое впечатлѣнiе, т. е. ввести его въ существующiя уже въ душѣ и составляющiя основу, почву душевной жизни группы представленiй и т. п., и черезъ то—упорядочить новое впечатлѣнiе, *уяснить* его для души. Эта трудность апперцепцiи при неустранимости самаго непоспѣвающагося апперципирующей дѣятельности впечатлѣнiя и создаетъ указанныя тягостныя чувства. Они такимъ образомъ представляютъ какъ-бы тѣ же судороги, метанiя душевной, апперципирующей, *усвояющей* впечатлѣнiя дѣятельности. Много поучительнаго въ этомъ отношенiи можно найдти у Вундта, Горвича, Дюмона, Булье также какъ и (съ другой точки зрѣнiя) у нѣкоторыхъ психологовъ Гербартiанской школы.

2) Отсюда ясно, какъ мало одного развитiя *критической мысли* для выполненiя задачи жизни, и какъ безконечно—далеки отъ истины тѣ вовсе некритическiе ученики Бокля и „просвѣщенiя“ XVIII вѣка, подготовившаго „великую“ революцiю, которые вмѣстѣ съ г. Карѣевымъ признаютъ, что „безусловно-прогрессивное значенiе—имѣетъ критика мысли“ (Основн. вопр. филос. Ист. II, 363). Исторiя, поучаетъ г. Карѣевъ, состоитъ въ эволюцiи надъ—органической среды, совершаемой неразумной дѣятельностью человѣка, и только переработка этой среды критической дѣятельностью мысли есть безусловно-прогрессивный факторъ исторiи (II, 367). А *паденiю* Грецiи, а паденiю Рима не предшествовали-ли именно времена безусловнаго господства „критической мысли“ и соотвѣтственнаго презрѣнiя ко всему историческому, положительному, ко всякому преданiю и авторитету?! И отцы нашего нигилизма не торжествовали-ли новаго *успѣха* всякiй разъ, когда по прочтенiи *ихъ писанiй—въ обществѣ однимъ уваженiемъ становилось меньше?!* Нужна замѣчательная неспособность мыслить иначе, какъ чужими, вычитанными мыслями, для того чтобы, *видя* передъ собой исторiю, сказать съ однимъ изъ безчисленныхъ „знаменитыхъ“ писателей, цитуемыхъ г. Карѣевымъ: „Исторiя человѣчества представляетъ рацiональный интересъ лишь (?) какъ переработка культуры помощью мысли. Успѣхи послѣдней обозначили великiя эпохи жизни человѣчества (переселенiе народовъ? Христiанство? Герман-

Времена помутнѣнія человѣческаго самосознанія, эпохи когда человѣкъ, растерявшій свои положительные идеалы и вѣрованія, остается именно только съ знаніемъ того, чего онъ *не* хочетъ и во что *не* вѣритъ, и со всей остающейся у него еще страстностностью способенъ лишь на *критику и борьбу* противъ этого единственнаго достовѣрно и ясно ему вѣдомаго и ему ненавистнаго,—представляютъ самые тяжелые моменты его жизни, самыя драматическія, безвыходныя положенія исторіи. Если помощь здѣсь еще возможна, то она состоитъ прежде всего, конечно, въ уясненіи человѣчеству потемненнаго *положительнаго* содержанія его самосознанія,—во внесеніи свѣта и порядка въ смутный хаосъ его только—отрицательныхъ стремленій, въ ясномъ опредѣленіи того положительнаго идеала и критерія жизни, безъ которыхъ человѣкъ,—при самыхъ даже лучшихъ и искреннихъ стремленіяхъ,—можетъ только томительно и безсмысленно метаться, но не сознательно, человѣчно и сколько нибудь для самого себя сносно жить. *Исторія и философія*,—эти главныя орудія самосознанія человѣчества и питомники его идеаловъ,—въ подобныя тяжелыя времена пріобрѣтаютъ болѣе рѣшительное, истинно-жизненное значеніе, чѣмъ когда-либо. Отъ ихъ направленія и выводовъ въ эти моменты зависитъ дальнѣйшій дѣйствительный ходъ жизни болѣе, чѣмъ отъ любыхъ династическихъ переворотовъ, реформъ, войнъ и даже переселеній. Это такъ потому, что онѣ однѣ затрогиваютъ самый *корень* положенія, т. е. самое сознаніе современнаго, дѣйствующаго въ этой жизни человѣка объ этомъ его положеніи и о своей роли отвѣтственнаго участника въ предстоящемъ его разрѣшеніи въ жизнь или смерть.

Таково-ли наше время? Этотъ вопросъ,—*если* есть счастливцы, для которыхъ онъ еще представляется *вопросомъ*,—рѣшать здѣсь не мѣсто. Да едва-ли существуетъ и надобность въ новомъ его разрѣшеніи послѣ того, какъ столько большихъ и малыхъ талантовъ, столько и худшихъ и лучшихъ умовъ разбирали его и отвѣтили уже на него утвер-

---

ство?). Подавленіе ея культурными привычками и преданіями влекло за собой замедленіе развитія общества, застой цивилизаціи и даже пониженіе ея (прив. у. г. Карѣева II, 362).

дительно. Для оцѣнки нашего времени, насколько и въ какой мѣрѣ оно богато ясными и положительными идеалами, безъ которыхъ, какъ мы видимъ, нормальная жизнь для историческаго, культурнаго человѣка невозможна, достаточно указать на то, что въ немъ съ одной стороны преобладаютъ всякія отрицательныя, пессимистическія стремленія и убѣжденія [1]), а съ другой—чуть-ли не все ускользнувшее отъ власти пессимизма и нигилизма—порабощено *позитивизмомъ*, на мѣсто всякихъ прежнихъ положительныхъ идеаловъ ставящимъ свой идеалъ—*приспособленіе* человѣка къ средѣ (т. е. собственно—отрицаніе всякаго идеала) и среды къ человѣку. Немного, какъ видно, идеаловъ, и не богатые содержаніемъ идеалы [2])! Какъ-бы то ни было, для насъ несомнѣнно, что не историческому или философскому *эклектизму* или *критицизму*, но лишь вполнѣ цѣльному и оригинальному пониманію исторіи, ея смысла и той роли, которую призванъ въ ней выполнить человѣкъ, можетъ принадлежать какая-либо доля въ разрѣшеніи сложныхъ и смутныхъ вопросовъ, подъ бременемъ которыхъ наше время видимо изнемогаетъ и теряется. Пусть оригинальный философски-историческій взглядъ будетъ одностороненъ, во многомъ даже ошибоченъ;—онъ всетаки окажется и поучительнѣе и цѣннѣе самыхъ искусныхъ и запутанныхъ экклектическихъ узоровъ, Богъ—вѣсть для чего хитро-выплетаемыхъ разными „сочинителями“, тщательно подбирающими обрывки фразъ и мыслей разныхъ умныхъ людей о человѣкѣ и жизни, но никогда не попытавшимися, повидимому, лицомъ къ лицу познакомиться съ

---

[1]) *Буддизмъ*—эта религія пессимизма и нигилизма,—вотъ то ученіе, на которое въ наше время съ послѣдними надеждами обращаетъ взоры громадная часть европейской интеллигенціи, жаждущей вѣры и выхода изъ пошлости матеріализма, но утратившей повидимому способность понимать христіанство. Кстати теперь и по ученой литературѣ и даже на мѣстѣ—благодаря желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ и т. п.—удобно изучать Буддизмъ. Богъ, котораго нужно отыскивать въ далекомъ краѣ, съ помощью самыхъ послѣднихъ научныхъ изысканій и техническихъ усовершенствованій.... какъ это интересно, умно и соблазнительно для нашей ненасытной жажды неизвѣданныхъ еще впечатлѣній и для нашей гордости!!

[2]) Въ двухъ предшествовавшихъ публичныхъ лекціяхъ моихъ, которыя теперь также печатаются (Симптомы и причины современнаго настроенія), я попытался представить характеристику нашего времени именно съ этой стороны.

этими чуждыми и рѣдкими предметами и —собственнымъ умомъ помыслить о нихъ.

Вамъ понятно теперь, Мм. Гг., почему не будетъ парадоксомъ, если я скажу, что отъ такого или иного *пониманія* исторіи (а объ немъ именно и ведется рѣчь) зависитъ и такая или другая *дѣйствительная* исторія,—почему я имѣлъ основаніе—начать съ напоминанія о томъ важномъ интересѣ, который принадлежитъ вопросу о смыслѣ и задачѣ исторіи нетолько *вообще*, но — именно въ наше смутное, только— критическое время — въ *особенности*.

Каковы-же возможныя пониманія внутренняго смысла и задачи исторіи,— пониманія, отъ различія которыхъ зависитъ какъ наша собственная *оцѣнка той роли*, которую мы въ ней разыгрываемъ, и современныхъ намъ, переживаемыхъ нами *событій*, такъ и разнообразное *осужденіе* или *одобреніе*, которыя связываетъ историкъ съ событіями *прошедшей* жизни,—и разнообразныя наши ожиданія или опасенія, внушаемыя намъ наступающимъ *будущимъ*?

Прежде чѣмъ характеризовать передъ вами двѣ кореннымъ образомъ расходящіяся между собою формы историческаго пониманія человѣчества, его историческаго *самосознанія*, считаю необходимымъ указать на то, что самое *глубочайшее основаніе ихъ различія* не есть какое-либо новое—особенное, принадлежащее *спеціально* одной именно наукѣ—исторіи. Основаніе это одинаково встрѣчается *во всѣхъ сферахъ* человѣческаго міровоззрѣнія, *во всѣхъ формахъ* человѣческой мысли и дѣятельности. И вездѣ оно въ одинаковой мѣрѣ вызываетъ два непримиримо-противоположныхъ *пониманія*, двѣ во всѣхъ отношеніяхъ расходящіяся оцѣнки ихъ *предмета*, будь этотъ предметъ въ данномъ случаѣ природа или душа, или та или другая форма человѣческаго общежитія, или то или иное проявленіе дѣятельности человѣческаго духа.

Это общее основаніе различія двухъ міровоззрѣній коренится въ томъ, что, какой-бы мы предметъ ни избрали для своего изученія, - вездѣ мы можемъ обращать преимущественное вниманіе, признавать *существеннымъ*, *главнымъ* предметомъ нашей мысли одно изъ двухъ: 1) или ту *дѣятельную производящую* силу, одни внѣшнія, опредѣлен-

ныя проявленія которой даются намъ во *внѣшнемъ* опытѣ нашемъ, но которая сама никогда въ этомъ внѣшнемъ опытѣ намъ не дана, или-же 2) одни эти *данныя намъ во внѣшнемъ опытѣ опредѣленныя проявленія, законченныя состоянія* какихъ-то неизвѣстныхъ, только предполагаемыхъ лежащими въ ихъ основѣ дѣятельныхъ, производящихъ силъ. Опредѣленный *образъ* предмета, даннаго намъ въ опытѣ, опредѣленная, законченная въ моментъ опыта *форма бытія*, — за которыми скрываются отъ насъ произведшія ихъ по нашему предположенію *дѣятельныя силы*, — вотъ *два* предмета, данные мысли всегда, съ чѣмъ-бы она ни имѣла дѣло.

На одномъ изъ нихъ она вынуждена преимущественн сосредоточиться, однимъ изъ нихъ заняться, какъ главнымъ, существеннымъ, съ однимъ изъ нихъ сообразовать и свою постановку вопросовъ и свои пріемы рѣшенія ихъ. *Рѣшеніе* въ вопросѣ о признаніи того или другаго изъ двухъ *существеннымъ*, опредѣляющимъ предметомъ нашей мысли или дѣятельности, принадлежитъ тому значенію, какое мы придаемъ *внѣшнему или внутреннему опыту*, подѣляющимъ между собою всѣ возможные предметы и задачи нашей мысли и дѣятельности вообще. Это такъ потому, что во внѣшнемъ опытѣ (съ его формою—пространствомъ, движеніемъ въ пространствѣ и т. п.) даются нашей мысли именно однѣ законченныя и раздѣльныя (одна *внѣ* другой) формы *бытія*, одни проявленія, отдѣльныя состоянія какихъ-то *недоступныхъ* этому опыту дѣятельныхъ, производящихъ эти формы, проходящихъ чрезъ эти состоянія силъ; о дѣятельной же *силѣ* мы получаемъ понятіе *лишъ* изъ *внутренняго опыта*, въ которомъ намъ даются наши собственныя *духовныя* дѣятельности (и даются—*внѣ* формы пространственной раздѣльности, внѣшности). Поэтому въ міровоззрѣніи,—которое допускаетъ одинъ внѣшній опытъ, внутренній-же или вовсе отрицаетъ въ его своеобразности, или придаетъ ему *второстепенное* значеніе, — естественно могутъ быть и признаны существенными лишь тѣ предметы, которые *даны во внѣшнемъ-же опытѣ*, т. е лишь порядки сосуществованія и послѣдовательности явленій, формъ коснаго бытія;—самаже дѣятельная, производящая ихъ сила, какъ никогда не данная во внѣшнемъ опытѣ, здѣсь или вовсе не имѣетъ

мѣста, или если и допускается, то лишь въ смыслѣ конечнаго *предположенія*. И наоборотъ—для міровоззрѣнія, придающаго *внутреннему опыту самостоятельное* значеніе,—и *предметъ* этого внутренняго опыта, самая производящая, дѣятельная *сила*, ея *собственный* законъ и ея собственная *задача* выступаютъ на первый планъ; порядки—же смѣны и сосуществованія ея продуктовъ и проявленій, состояній, формъ бытія теряютъ свой всерѣшающій, всѣ задачи мысли и воли опредѣляющій интересъ. Таково въ концѣ концовъ послѣднее основаніе различія между *идеализмомъ* (философія дѣятельности) [1]) съ одной стороны и всякимъ *реализмомъ*, матеріализмомъ и позитивизмомъ—съ другой стороны [2]). И повторяется оно въ различіи *двухъ* направленій *во всѣхъ* областяхъ нашей мысли, чувства и воли: и въ метафизикѣ и въ психологіи и въ морали и въ искуствѣ и, наконецъ, въ исторіи.

Такъ—всѣ философскія міровоззрѣнія можно распредѣлить въ *двѣ* большія группы. Для одной—центръ тяжести лежитъ въ понятіи *о существѣ, законахъ и задачахъ* той *первоначальной* дѣятельной *силы*, (всегда представляемой какъ нѣчто *духовное*, внѣпространственное) безчисленныя отдѣльныя состоянія и продукты которой составляютъ нашъ данный во внѣшнемъ опытѣ, въ пространствѣ міръ;—это *идеализмъ*. Для другой именно эти данныя въ пространствѣ формы бытія, представляющіяся для перваго направленія лишь продуктами или состояніями той первичной, производящей силы, *результатами* ея дѣятельности, и составляютъ главное,—*основное*. Самая *дѣятельность* (духовное) здѣсь представляется лишь однимъ изъ *послѣдствій* такой или иной комбинаціи формъ пространственнаго *бытія*, однимъ изъ свойствъ этого *бытія*, чѣмъ то вторичнымъ, производнымъ. Это—реализмъ во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ. Вопросъ, раздѣляющій ихъ, есть вопросъ:—что изъ чего? *Дѣятельная сила* изъ *бытія* или-же *бытіе* изъ дѣятельной силы, духъ изъ вещества, или-вещественное изъ духовнаго?

---

1) Образцы ея въ новое время: системы Фихте старшаго, Гегеля, Шопенгауэра.

2) Для которыхъ главное не въ задачѣ и смыслѣ производящей дѣятельности, но въ ея *субстратѣ*, въ субстанціи, въ *порядкѣ смѣны* ея состояній, раздѣльныхъ явленій,

Съ такимъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса связано и совершенно различное опредѣленіе задачъ *всей* познающей, теоретической мысли. *Дѣятельная сила* не дана во внѣшнемъ опытѣ, составляетъ для реализма нѣчто производное или даже-только *предположеніе*; и поэтому естественно, что реализмъ болѣе или менѣе ограничиваетъ кругъ задачъ познанія однимъ міромъ данныхъ въ опытѣ формъ *бытія*, болѣе или менѣе исключая изъ своей области всякія разсужденія о существѣ, законахъ и задачахъ *дѣятельныхъ*, производящихъ силъ. Такъ—самая новая форма реализма,- *позитивизмъ*, вовсе отрицая понятіе производящей *причины*, силы,—оставляетъ для науки лишь вопросъ: *какъ*, *въ какомъ порядкѣ* сосуществуютъ и смѣняются разныя, данныя во внѣшнемъ опытѣ, (въ пространствѣ) формы бытія, явленія? *но не почему* совершается это сосуществованіе и смѣна? Самый вопросъ, вызывающій познающую дѣятельность мысли, вопросъ *о причинѣ*, *объ объясненіи* міра явленій,—здѣсь так. обр. отходитъ на задній планъ. Мысль здѣсь ограничивается одними готовыми, данными ей въ наблюденныхъ, опытныхъ *порядкахъ* явленій *отвѣтами* на нѣкоторые второстепенные вопросы свои, — отвѣтами всегда *приложимыми* въ области этого внѣшняго опыта (ибо изъ нея заимствованными), всегда имѣющими поэтому *утилитарное* значеніе, но утратившими (вмѣстѣ съ вопросомъ: почему и для чего?) большую часть своего *чисто теоретическаго* интереса. Существенное для самой познающей мысли здѣсь представляютъ лишъ тѣ *результаты*, которыхъ она достигла на своемъ пути, но не самая ея *дѣятельность*, которая привела къ этимъ результатамъ, съ ея собственными, *внутренними запросами*, *задачами и требованіями*. Существенное для мысли здѣсь— *не* самая мысль!

То-же противоположеніе идеализма и реализма повторяется и въ *моральной* дѣятельности и въ моральныхъ системахъ. И здѣсь—важное для реализма не въ самомъ *существѣ* моральной воли и ея безотносительныхъ къ какой нибудь полезности требованіяхъ, но въ *результатахъ*, которые достигаются дѣятельностью, въ ея цѣлесообразности, успѣхѣ, или неуспѣхѣ. *Удача*, *цѣлесообразность*, *успѣхъ* - вотъ послѣдніе критеріи нравственнаго достоинства и людей, и

поступковъ для утилитаризма и новѣйшей нравственной теоріи позитивизма, какъ она изложена у Г. Спенсера. Всѣ несчастные, всѣ неуспѣвшіе, нецѣлесообразно дѣйствовавшіе и погибшіе въ борьбѣ за свои излюбленныя цѣли — по этой теоріи представляются eo ipso и *ненравственными*. И здѣсь, въ противоположность идеализму какого нибудь Канта, Фихте, или французскаго рыцаря съ его девизомъ fais que dois, advienne que pourra, самое существо нравственной воли отходитъ на задній планъ и все вниманіе, весь интересъ сосредоточивается на *результатѣ* дѣятельности.

Это-же противоположеніе двухъ міровоззрѣній встрѣчаемъ мы и въ противоположности такъ называемаго *чистаго, идеальнаго искуства*, преслѣдующаго лишь задачу эстетическаго творчества, осуществленія *формъ чистой красоты*, и — новаго, *реальнаго*, утилитарнаго *искусства*, преслѣдующаго всевозможныя задачи,—и педагогическія, и политическія, даже физіологическія и психіатрическія, кромѣ именно чисто эстетической задачи достиженія чистой формы красоты. И здѣсь цѣннымъ и руководящимъ являются достигнутые произведеніями искусства *внѣшніе результаты*, но не коренныя *задачи*, не мотивы и законы самой производящей ихъ эстетической *дѣятельности*. Понятно отсюда, почему вмѣстѣ съ возрастающимъ преобладаніемъ въ современномъ обществѣ всякаго реализма, утилитаризма и позитивизма, въ этомъ обществѣ все болѣе *утрачивается* нѣкогда бывшее столь живымъ чувство чистой, безотносительной къ пользѣ красоты, также какъ и вкусъ къ тѣмъ произведеніямъ искуства, созданіемъ которыхъ именно руководило это чувство. Наконецъ и въ *практической жизни*,—въ характерахъ, поступкахъ и мнѣніяхъ окружающихъ насъ людей о цѣнности жизни, о достоинствѣ совершающихся передъ ними событій и дѣйствій, не встрѣчаемся-ли мы на всякомъ шагу съ тѣмъ-же противоположеніемъ идеализма и реализма? Не знаетъ-ли всякій изъ насъ и людей, преслѣдующихъ и цѣнящихъ вездѣ и во всемъ только *удачу* и *пользу*, и другихъ-болѣе или менѣе-если даже недѣйствующихъ *сами*, не мыслящихъ и не созидающихъ безкорыстно,-то по крайней мѣрѣ высоко *цѣнящихъ* всякую безкорыстную мысль, поступокъ и произведеніе въ окружающей ихъ жизни? Не знакомо-ли всѣмъ намъ и глу-

бокое различіе между *артистами* въ разныхъ родахъ, *художниками* и *писателями*, изъ которыхъ одни всю свою дѣятельность посвящаютъ *придумыванію* эффектной оригинальности, исканію выгодъ и успѣха, и часто, не смотря на всѣ свои усилія, однако *меньше* получаютъ этой удачи и успѣха, менѣе оригинальны, менѣе способны создать что-либо *дѣйствительно цѣнное* въ своей области, чѣмъ другіе, руководящіеся главнымъ образомъ лишь интересомъ *самаго своего дѣла*? Хотя конечно и эти послѣдніе не склонны отказываться отъ встрѣчающейся имъ на пути удачи, но пользуясь ею, они не дѣлаютъ изъ нея самую цѣль своихъ стремленій. Не такъ-ли и человѣкъ, отправившійся гулять *спеціально* для развлеченія, для того чтобы набраться впечатлѣній, не рѣдко находитъ ихъ въ своей прогулкѣ гораздо менѣе, чѣмъ тотъ, кто вышелъ въ виду какого-либо серьезнаго интереса и дѣла? И не замѣчаемъ-ли мы всѣ какъ, вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ возобладаніемъ реализма и утилитаризма, становится у насъ все *менѣе и безкорыстно дѣйствующихъ и чувствующихъ людей*, но вмѣстѣ—и менѣе крупныхъ *характеровъ*, глубокихъ *мыслей* и великихъ *произведеній* искусства, также какъ и—менѣе дѣйствительно *счастливыхъ*, удовлетворенныхъ въ этомъ обществѣ, ищущемъ *только* счастія, удовлетворенія,—только результаты цѣнящемъ? Въ наше время для большинства даже едва-ли понятна глубокая нравственная и эстетическая правда, заключающаяся въ изрѣченіи идеалиста Шиллера: „что въ нравственной области менѣе благородные цѣнятся по тому, сколько они *даютъ*, болѣе-же благородные-по тому что они *суть*“.

Въ пониманіи историческимъ человѣчествомъ смысла и задачи своей собственной жизни — придающихъ *единство* той на первый взглядъ хаотической смѣнѣ событій, культуръ, народовъ и стремленій, которую мы называемъ исторіею, и дающихъ ей передъ нашею мыслью послѣднее внутренене, земное *оправданіе*,—это общее противоположеніе идеализма и реализма, признанія цѣнности и значенія лишь за добытыми исторіею *результатами*, или-же—за *внутренними мотивами*, необходимо вызывающими самый историческій характеръ жизни человѣчества, сказывается въ *особенности* опредѣленно и ярко. Всѣ существующія

попытки понять основаніе внутренняго *единства* исторіи и ея не—трансцендентнаго, земнаго *оправданія* сами собою дѣлятся на двѣ большія группы. Одни видятъ это единство и оправданіе во *внутреннихъ* мотивахъ жизни самосознающаго существа, въ силу которыхъ человѣкъ, по самой природѣ своей, *не можетъ жить* внѣ исторіи, *безъ сознанія себя звеномъ* въ непрерывномъ историческомъ цѣломъ человѣчества. Они видятъ это единство въ томъ, что человѣкъ въ *этомъ сознаніи* именно почерпаетъ послѣднее земное *оправданіе* своему единичному, никогда *не* достигающему законченности въ осуществленіи своихъ личныхъ задачъ и потому само по себѣ въ этой единичности *безсмысленному*, передъ судомъ своего-же собственнаго сознанія, существованію. Для нихъ искомое оправданіе—въ томъ, что это-же самое сознаніе себя *звеномъ* великаго человѣческаго цѣлаго, *продолжающимъ* не имъ начатое, но завѣщанное ему дѣло, которое и *не кончается* вмѣстѣ съ концомъ его личнаго земнаго существованія, — даетъ человѣку и внутреннюю *точку опоры* въ его дѣятельности и авторитетныя твердыя *цѣли* ей, и *успокоеніе* его духу среди всѣхъ безчисленныхъ неудачъ и недочетовъ его личныхъ стремленій. А успокоеніе это ему столь необходимо!... Столь необходимо оно для его мысли при *одновременномъ сознаніи* имъ и своей личной *отвѣтственности* за свои судьбы, и въ то же время—*невозможности принять на самого себя всю* эту страшную отвѣтственность во всемъ ея объемѣ! Одно это же сознаніе, по ихъ взгляду, даетъ человѣческому духу и единственную возможность исхода изъ той роковой, вѣчно-смущающей всякую мыслящую душу дилеммы, что человѣкъ и не можетъ жить не стремясь *устроять* свою жизнь по *своему* разумѣнію (какъ самосознающее существо), и въ тоже время ежемгновенно долженъ убѣждаться въ невозможности *дѣйствительно* устроить эту жизнь по своему разумѣнію, вполнѣ согласно своимъ расчетамъ, желаніямъ и идеаламъ, освѣщающимъ его жизненный путь! Вводя единичное существованіе личности *въ связь* со всѣмъ прошедшимъ и будущимъ человѣчества,—давая отдѣльной личности *въ сознаніи этой связи* и устойчивую внутреннюю *опору* и авторитетное *направленіе* дѣятельности и *укрѣпленіе* его силъ и *успокое-*

ніе всѣхъ мучительныхъ сомнѣній, вызываемыхъ въ душѣ человѣка сознаніемъ и его относительной отвѣтственности и его относительнаго безсилія – исторія уже чрезъ это одно является *внутренно-оправданною*, необходимою, ея внутренняя задача — намѣченною и ея единство — несомнѣннымъ само по себѣ, для того историческаго воззрѣнія, о которомъ я говорю [1]).

Противоположное историческое пониманіе ищетъ и единства исторіи, и ея задачи, и ея оправданія не въ этихъ ея *внутреннихъ мотивахъ*, въ силу которыхъ сознающее себя человѣчество *не можетъ* жить внѣ исторіи, — но лишь въ тѣхъ конечныхъ *результатахъ*, которые добываются всею историческою работою человѣчества, — въ *осуществленіи* этою работою, когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, въ дѣйствительной жизни человѣчества извѣстныхъ *отвлеченныхъ идеаловъ* права, справедливости, мира, равенства, сво-

---

[1]) Исторія здѣсь является естественнымъ послѣдствіемъ *самосознательности* человѣка. Дѣйствительно, *пока* человѣкъ себя сознаетъ и можетъ жить и дѣйствовать лишь *такъ, какъ себя* сознаетъ; — пока онъ не можетъ и жить, не стремясь устроять самъ свою жизнь и не убѣждаясь въ тоже время въ своемъ безсиліи дѣйствительно самодержавно устроить ее;—пока онъ не въ состояніи вполнѣ сбросить съ себя непосильное бремя отвѣтственности за эту свою жизнь, какъ не въ состояніи и принять на себя всю эту тяжелую отвѣтственность, — до тѣхъ поръ *не можетъ онъ не искать внѣ себя* восполняющей опоры и оправданія своей жизни, не можетъ довольствоваться замкнутымъ въ себѣ, единичнымъ существованіемъ своимъ. Онъ неодолимо побуждается искать *связи, общенія* съ тѣмъ, что можетъ дать эту необходимую его духу опору, оправданіе. Это стремленіе въ общенію съ *инымъ*, чѣмъ онъ самъ, высшимъ, восполняющимъ его сознанную собственную ограниченность и безсиліе, является такимъ образомъ естественнымъ слѣдствіемъ роковаго *идеализма*, самосознательности человѣческой души, питающихъ въ ней вѣчно рядомъ и *гордость*, сознаніе своей силы—и *смиреніе* одинаково чуждыя душѣ животнаго. *Два* главныхъ выраженія имѣетъ это стремленіе въ человѣческой и—только въ человѣческой жизни. Въ религіи, *возсоединеніи* съ Богомъ, человѣкъ находитъ своей жизни искомую опору и оправданіе *трансцендентныя*, выходящія за предѣлы явленій чувственнаго опыта. Въ другой формѣ это же стремленіе проявляется въ общеніи съ *земнымъ*, являющимся, опытнымъ *человѣчествомъ*, въ общности съ которымъ своей личной жизни человѣкъ ищетъ и находитъ для нея земное, опытное оправданіе. Это—исторія. Безъ этого идеализма, безъ этой самосознательности, питающей въ душѣ вмѣстѣ и гордость и смиреніе, нѣтъ ни *религіи* ни *исторіи;* а ихъ-то присущность человѣку и характеризуется наиболѣе ярко *человѣчность*!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

боды, благоденствія, извѣстныхъ формъ общежитія и т. п. Противоположность этихъ двухъ историческихъ пониманій и ея совпаденіе съ очерченною выше противоположностью идеализма и реализма совершенно очевидны. На принаровленномъ къ пріемамъ исторической мысли языкѣ эту противоположность можно выразить, какъ противоположность между лежащими въ основѣ двухъ историческихъ воззрѣній—идеею *развитія* съ одной и идеею *прогресса* съ другой стороны. Эти два понятія, — развитіе и прогрессъ,—не смотря на свое существенное различіе, нерѣдко смѣшиваются даже и въ научномъ изложеніи. Ограничимся здѣсь лишь самымъ общимъ опредѣленіемъ и разграниченіемъ ихъ. *Подъ развитіемъ, въ противоположность разложенію*, разумѣется переходъ простѣйшихъ формъ жизни генетически (по внутренней, заключающейся въ ихъ *собственномъ* существѣ) необходимости, въ сложнѣйшія, т. е. обладающія, при большей *расчлененности* и разнообразіи органовъ и отправленій, вмѣстѣ и большею ихъ *взаимозависимостью*, большею слѣдовательно крѣпостью внутренняго *единства*. Здѣсь—дѣло *только* въ усложненіи и единствѣ. Понятіе же прогресса противополагается понятію регресса,—не *упрощенія* (въ которомъ, какъ напр. въ уравненіи лицъ и положеній, въ механизаціи общественнаго строя и т. п., многіе именно и видятъ самую сущность прогресса), но *ухудшенія* жизни, т. е. уменьшенія въ ней счастія, справедливости, силы и т. п. [1]).

Такъ какъ эти двѣ идеи лежатъ въ основѣ, составляютъ,

---

[1]) Наиболѣе ярко и картинно, хотя и безъ всякаго философскаго обоснованія, выразилъ изъ извѣстныхъ намъ русскихъ писателей эту противоположность идей развитія и прогресса К. Н. Леонтьевъ въ послѣднихъ главахъ своей замѣчательной, не смотря на всѣ ея парадоксы, недоумѣнія, недомолвки самопротиворѣчія и ненужныя рѣзкости, книгѣ „Византизмъ и Славянство“. Авторъ этой книги, сходясь въ опредѣленіи самого процесса развитія (какъ усложненія, дифференціаціи и т. п.) со всѣми теоретиками *развитія* (какъ напр. Г. Спенсеръ) становится совершенно оригинальнымъ, показывая *противоположность* этому развитію *прогресса* (эгалитарно-либеральнаго, утилитарнаго, космополитическаго etc.), который однако *самимъ же* процессомъ развитія въ извѣстный моментъ человѣческой жизни вызывается, полагая *конецъ* дальнѣйшему развитію и—начало *разложенію*, общественной и культурной смерти. Каковы бы ни были недостатки въ выраженіи и развитіи этой мысли въ книгѣ „Византизмъ и Славянство“,— сама мысль на

такъ сказать, „красную нить“ двухъ противоположныхъ пониманій смысла исторіи,—то мы и будемъ называть впередъ, для краткости, эти послѣднія просто,—одно—*теоріею развитія*, а другое — *теоріею прогресса*. Самая яркая разграничительная черта между этими двумя теоріями состоитъ какъ мы видимъ въ томъ, что для первой - смыслъ и оправданіе исторіи лежатъ не *внѣ ея*, не въ ея концѣ, но въ ней самой, *въ самомъ историческомъ процессѣ* и его внутреннихъ мотивахъ. Поэтому для нея и историческій смыслъ, и начало исторической оцѣнки всякаго отдѣльнаго событія, эпохи, историческаго характера—лежатъ *въ нихъ же самихъ*, а не заимствуются изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ имъ отвлеченныхъ идеаловъ или критеріевъ отдаленнаго будущаго. Историкомъ здѣсь поэтому можетъ быть лишь *художникъ*, а не отвлеченный мыслитель [1]). Для теоріи же прогресса и смыслъ и оправданіе какъ всей исторіи, такъ и всѣхъ ея отдѣльныхъ эпохъ, событій и характеровъ, лежатъ *не въ нихъ самихъ*, но внѣ ихъ,—не въ самомъ *процессѣ исторіи*, но въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ онъ долженъ былъ бы привести человѣчество въ концѣ исторіи. Изъ этого основнаго характеристическаго различія двухъ направленій съ логическою необходимостію вытекаютъ и всѣ послѣдующія.

Такъ, прежде всего, понятно, что для теоріи развитія, для которой существененъ и дорогъ выше всего *самый процессъ* историческаго развитія,— столь-же дорого и неприкосновенно должно быть и необходимое *условіе развитія*, съ устраненіемъ котораго исчезаетъ и самая возможность дальнѣйшаго историческаго процесса,—дальнѣйшей *человѣчной* жизни. А такимъ условіемъ прежде всего представляется возможное *разнообразіе* человѣческихъ характеровъ, стремленій, формъ жизни, культуръ и т. п. Поэтому-то этимъ разнообразіемъ, *обогащающимъ, украшающимъ жизнь и необходимо движущимъ ее къ развитію*, и дорожатъ наиболѣе всѣ теоретики развитія. Такъ Гердеръ, который—первый

столько оригинальна и глубока, что нельзя не пожалѣть о томъ, что эта замѣчательная книга у насъ такъ мало извѣстна.

[1]) Прекрасно доказываетъ эту мысль В. И. *Герье* въ своемъ „Очеркѣ развитія науки исторіи“.

крупный представитель этой теоріи, особенно всесторонне защищаетъ это разнообразіе, *какъ условіе и законъ* исторіи вообще. Онъ равно отрицаетъ какъ *единство* человѣческихъ *рассъ*, такъ и то, чтобы онѣ были предназначены къ достиженію *одной и той-же степени и формы* культуры, общественной и политической жизни. Всякій народъ живетъ и развивается по своему, своеобразно; по своему же бываетъ онъ и счастливъ, и *только* путемъ этого своеобразнаго развитія и выполняетъ онъ свою частную задачу въ общемъ дѣлѣ исторіи, въ развитіи *человѣчности*. Ни одинъ народъ, ни одно поколѣніе не служатъ простымъ *средствомъ* для осуществленія наибольшаго счастія *грядущихъ* народовъ и поколѣній, — но всякій, самъ по себѣ, такъ-же цѣненъ, какъ и *все* человѣчество, взятое во всѣ времена. Какъ нѣтъ *одной*, для всего человѣчества, *формы счастія*, благоденствія, такъ не существуетъ и *единой* для всего человѣчества, идеальной *формы политической жизни*. И такая исторія, которая была-бы написана съ точки зрѣнія постепеннаго водворенія на землѣ какой-либо единой идеальной формы счастія и политической жизни, была-бы, по его выраженію, die glänzendste Truggeschichte [1]).

Съ меньшимъ лиризмомъ, но большею философскою основательностью, развиваетъ тѣ-же мысли Лотце въ послѣднихъ книгахъ своего „микрокозма“. Блестящія мѣста въ защиту разнообразія, какъ основнаго закона исторіи, встрѣчаемъ мы также у Вильгельма Гумбольдта [2]); у Дж. Ст. Милля — въ лучшемъ изъ его произведеній „О Свободѣ“, въ Россіи — у К. Н. Леонтьева въ его „византизмъ и славянство“ [3]) и

---

[1]) Herder. Phil. u. Gesch. XI. p. 387—388.

[2]) Das, worauf die ganze Groesse des Menschen zuletzt beruht, wonach der einzelne Mensch ewig ringen muss, und was der, welcher auf Menschen wirken will, nie aus den Augen verlieren darf, ist Eigenthuemlichkeit der Kraft und der Bildung (W. v. Humboldt Ideen zu einem Versuch u. s. w. p. 11). Ona—das höchste Gut, welches die Gesellschaft giebt (l. c. p. 19).

[3]) Въ постепенномъ *смѣшеніи*, *уравненіи* всѣхъ характеровъ, политическихъ и культурныхъ типовъ, художественныхъ стилей и т. п. г. Леонтьевъ видитъ главнѣйшій признакъ начинающагося разложенія, вымиранія государствъ и культуръ. „Нынѣшній прогрессъ, говоритъ онъ поэтому, не есть процессъ развитія; онъ есть процессъ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, процессъ разложенія для тѣхъ государствъ, изъ которыхъ онъ вышелъ или которыми крѣпко усвоил-

у многихъ другихъ. (напр. у Н. Я. Данилевскаго. Н. Н. Страхова).

Но такое разнообразіе представляется и естественно необходимымъ, разъ что для человѣка *историческая жизнь* т. е. жизнь отдѣльной личности, какъ звена, связующаго вовсе *независѣвшее* отъ нея прошедшее съ *очень мало* отъ нея зависящимъ будущимъ—*представляется неизбѣжнымъ закономъ*. Для такой исторической личности, опредѣляемой въ своихъ судьбахъ не однимъ своимъ *личнымъ разумомъ* и не одними мотивами *личнаго благополучія*,—естественно одною изъ руководящихъ ею въ жизни и рѣшающихъ ея судьбы силъ—является *преданіе*, *традиція* т. е. начала чисто-положительныя, чуждыя космополитическаго, незнающаго индивидуальныхъ особенностей и разнообразія раціонализма [1]). На преданіи и традиціи поэтому основана, по Гердеру, самая возможность *воспитанія человѣчности*, составляющаго конечную задачу исторіи [2]).

Лотце весь проникнутъ тою-же необходимостью чисто положительныхъ, *нераціональныхъ* началъ жизни и отрицаніемъ *самодовлѣющей*, *чисто разсудочной и изъ самой себя устрояющей всецѣло*, *самодержавно свою жизнь*, личности. „Великій политическій союзъ, говоритъ онъ, вездѣ является преимущественно дѣломъ самой природы, или не одной только природы, но и независимаго отъ отдѣльныхъ лицъ нравственнаго міропорядка, котораго заповѣди людской родъ мало по малу припоминаетъ и уясняетъ себѣ въ своемъ общежи-

---

ся (с. 103)". Господство средняго класса есть тоже упрощеніе и смѣшеніе, ибо онъ по существу своему стремится все свести къ *среднему* типу такъ называемаго „буржуа" (с. 109).

[1]) и непремѣнно поэтому *разнообразныя*, индивидуальныя; всеобщимъ, однообразнымъ въ жизни является только чисто *раціональное*.

[2]) Только сливаясь съ „голосомъ Божіимъ", т. е. съ развивающимся преданіемъ, и посильно участвуя дѣятельно въ его развитіи и—такимъ путемъ—въ общемъ развитіи человѣчности, можетъ человѣкъ „продолжать участвовать въ жизни своихъ потомковъ и тогда, когда и тѣло его уже истлѣло и самое имя его давно забыто". Это конечно—прямая противоположность теоріи такихъ исторіософовъ, какъ напр. у насъ г. *Карѣевъ*, совершенно серьезно и сочувственно передающій намъ что „неуваженіе къ преданію, стремленіе къ независимости, составляютъ главную существенную черту идеи прогресса, какъ ее понимаетъ Рож. Бэконъ (l. c. II. 290).

тіи. Этотъ союзъ коренится, съ одной стороны, въ сердечной признательности къ тому, что начали развивать предки по части человѣческаго труда и всякой вообще человѣчности, съ другой—въ заботливой любви къ потомству, которому обязаны мы сберечь полученное наслѣдіе и передать пріумноженнымъ. Человѣчество, которое вздумало-бы совсѣмъ забыть прошлое и будущее, и устроить формы жизни исключительно лишь въ угоду настоящаго, отличалось бы отъ чистаго скотства одною только лучшею принаровкою своихъ средствъ. Поэтому хотя правда, что механизмъ гражданственнаго порядка существуетъ только для общества, а не общество наоборотъ для него, однако все-же нельзя приравнивать и общество къ совокупности всѣхъ одновременно существующихъ въ немъ отдѣльныхъ членовъ. Если-бы и наступилъ неимовѣрный случай безъизъятнаго согласія всѣхъ ихъ сплошь, они все таки не составили бы собой той всецѣлой общины, которая съ нравственной точки зрѣнія (и ужъ конечно—прибавимъ отъ себя—съ исторической) имѣла-бы право рѣшать съ самодержавнымъ произволомъ участь всѣхъ формъ своего собственнаго существованія“... „Человѣкъ только тогда становится истиннымъ гражданиномъ государства или образованнаго міра, когда чувствуетъ себя настоящимъ, живымъ звеномъ этой непрерывной цѣпи временнаго развитія человѣчности“ [1]).

Только подъ этими условіями и сохраняется и развивается человѣчность.

Но что-же такое для этихъ писателей самая *человѣчность?* Гердеръ ее опредѣляетъ, какъ „die Kunst unseres Geschlechts“,—не то, что находится въ нашемъ готовомъ, спокойномъ обладаніи, не даромъ доставшееся намъ благо,—но то, что вырабатывается самимъ человѣкомъ путемъ *труда, подвига, а слѣдовательно и подъ условіемъ возможныхъ ошибокъ и заблужденій.* „Выработка въ себѣ этой человѣчности, говоритъ Гердеръ, „должна продолжаться безостановочно, иначе мы всѣ, и низшіе и высшіе, впадемъ въ одичаніе (Brutalität)“ [2]).

У Вильгельма Гумбольдта опять мы встрѣчаемъ блиста-

---

[1]) *Микрокосмъ*, р. пер. II. с. 571—572.
[2]) Herder. l. c. XI. p. 6—7.

тельныя доказательства той мысли, что жизнь безъ труда и борьбы, а слѣдовательно и безъ подвига, но и безъ возможныхъ заблужденій,—не только была-бы чужда *развитію*, лишена человѣческаго *достоинства*, но была-бы лишена и всякаго даже *наслажденія*, придающаго жизни цѣну [1]). Тою же мыслію проникнуто и все сочиненіе Лотце, о которомъ мы говорили [2]). Вездѣ—*1-хъ разнообразіе, 2-хъ положительныя начала жизни*, отрицающія самодовлѣющую и чисторазсудочную, стоящую внѣ исторіи особь, *и 3-хъ трудъ, и борьба* жизни—одинаково признаются необходимыми условіями сохраненія и развитія человѣчности въ исторіи.

Человѣчность, въ непрерывномъ преемствѣ поколѣній развиваемая и охраняемая ими отъ періодическихъ наплывовъ эвдемоническаго одичанія,—вѣчно возрождающаяся среди безпрерывныхъ трудовъ, увлеченій, страданій и подвиговъ, среди постоянно усложняющихся задачъ жизни, придающихъ ей все большія полноту, смыслъ и красоту,—вотъ въ чемъ для указаннаго ряда мыслителей идеалъ и внутреннее оправданіе какъ всей исторіи въ ея цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ историческихъ эпохъ и лицъ. Они *не* ищутъ этого идеала и оправданія въ томъ, что исторія будто бы ведетъ постепенно къ господству такихъ эгалитарно-либеральныхъ и въ совершенствѣ механизованныхъ формъ общежитія, также какъ и къ упроченію такой внутренней дисциплины человѣка, которыя *упразднили*-бы и трудъ и страданіе и ошибки и под-

---

[1]) Das Glueck, zu welchem der Mensch bestimmt is, ist auch kein anderes als welches seine eigene Kraft ihm verschafft, W. v. Humboldt l. c. pp. 21—23; ср. также всю третью главу его книги). Собственность человѣка въ гораздо-большей мѣрѣ составляетъ то, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ то, чѣмъ онъ владѣетъ (ibid. p. 20).

[2]) Напр. „Было-бы не въ интересѣ нравственнаго образованія, если-бы обязательная истина каждаго завѣта совѣсти и неразрывная связь всѣхъ ихъ между собою представлялись уму отдѣльнаго лица съ теоретическою очевидностью простаго вычисленія, и если бы не надобилось уже ни живовѣрующаго подвига, ни сердечнаго напряженія для того, чтобы завоевать себѣ жизненной борьбой эту ясность объемчиваго нравственнаго міросозерцанія (*Микрокосмъ* р. пер. II. *с.* 514. Это—прямая противоположность Г. Спенсеру, видящему идеалъ нравственнаго образованія въ *автоматичности*, въ такой *привычности* нравственныхъ дѣйствій, при которой они совершались бы *инстинктивно*, *безъ* напряженія, безъ ошибки и безъ сознанія.

вигъ жизни, до послѣдней степени автоматизируя ее. Для нихъ конечная цѣль—не упрощеніе ея задачъ сведеніемъ ихъ къ наилучшей *эксплуатаціи* окружающаго и наилучшему къ нему *приспособленію* во имя благополучія отдѣльныхъ особей, существующихъ только въ настоящемъ и во имя этого настоящаго, безъ прошедшаго какъ и безъ будущаго. Такой „идеалъ“—не ихъ идеалъ; въ ихъ глазахъ его осуществленіе представляется напротивъ—крайнимъ оскудѣніемъ личной жизни, съ одной стороны, и *концомъ* исторіи, возможности дальнѣйшаго развитія—съ другой. Самый идеалъ жизни ихъ—не въ упрощеніи или упрощеніи ея задачъ, а идеалъ исторіи, развитія для нихъ не есть *конецъ* исторіи, развитія, лежитъ не *внѣ* самой исторіи. Поэтому же и та мѣра, которою они измѣряютъ достоинство отдѣльныхъ эпохъ и лицъ, тотъ критерій, въ которомъ существованіе тѣхъ и другихъ находитъ свое конечное оправданіе, для этихъ мыслителей—не внѣшніе самимъ этимъ эпохамъ и лицамъ критерій и мѣра, но внутренніе, заключающіеся въ *нихъ самихъ*, *какъ сознающихъ свою задачу звеньяхъ*, связующихъ въ безпредѣльномъ развитіи человѣчности прошедшее съ будущимъ.

Поэтому же и та форма общежитія, которая соотвѣтствуетъ ихъ пониманію цѣли и смысла исторіи, есть именно форма, составляющая условіе развитія тѣхъ или другихъ вѣчныхъ началъ человѣчности, воплощаемыхъ въ исторіи *народами и культурами*, — но не форма наипростѣйшаго, автоматичнѣйшаго и наиполезнѣйшаго для личнаго благополучія, мирнаго и сытаго сожитія аггрегата космополитическихъ *бытовыхъ особей*, — форма органическая—*культурно-государственная* но не разсудочно-договорная—*соціальная*. И самый дѣятельный агентъ исторіи, созидающій и переживающій ее человѣкъ, представляется здѣсь отнюдь не *самодовлѣющею бытовою особью*, не связанной въ своей мысли и дѣятельности ничѣмъ кромѣ своего настоящаго, разумно-по нятаго интереса,—ни прошедшимъ ни будущимъ ни какимъ-либо идеаломъ. Онъ представляется здѣсь отнюдь не *вполнѣ автономнымъ* въ дѣлѣ устроенія своей жизни и не знающимъ никакихъ авторитетовъ, кромѣ авторитета собственнаго разума, безошибочно рѣшающаго во всеоружіи *знанія* единственный отнынѣ признаваемый существеннымъ вопросъ: какъ и гдѣ suum utile

quaerere? Напротивъ — человѣкъ здѣсь представляется именно *по преимуществу — историческимъ* существомъ, опредѣляемымъ и въ своей мысли и въ чувствѣ, и въ своемъ достоинствѣ и въ своей дѣятельности — какъ всѣми завѣтами прошедшаго, такъ и всею отвѣтственностью за будущее, *одинаково независимыми* отъ требованій его только — личнаго разума и его личнаго благоденствія. Онъ такимъ образомъ является здѣсь далеко не автономнымъ, но подчиненнымъ и совершенно чуждымъ его личному разсудку, разсчету и выбору авторитетамъ, каковы *объективные* положительные авторитеты преданія, вѣрованій и историческихъ задачъ своего народа и т. п. Поэтому онъ рисуется здѣсь и далеко не чисто разсудочнымъ, только разсчитывающимъ и лишь вслѣдствіе несовершенствъ своего разсудка и проистекающихъ отсюда *ошибокъ въ разсчетѣ* страдающимъ и не вполнѣ самодержавно устрояющимъ свои судьбы существомъ. *Рядомъ съ разсудкомъ здѣсь есть и объективные, положительные авторитеты, устрояющіе его жизнь* — иногда и наперекоръ разсудку. — Есть мѣсто поэтому не однимъ вѣрнымъ или невѣрнымъ-разсчетамъ его, но и вопросамъ и вѣрованіямъ, и страхамъ и надеждамъ, — есть мѣсто и тому *интересу*, которымъ полна всякая сильная, бодрая, способная съ энергіей и наслажденіемъ окунуться въ кипучій водоворотъ жизни душа, и котораго конечно не придаетъ жизни никакая масса самыхъ сложныхъ и запутанныхъ *ариѳметическихъ* задачъ ею задаваемыхъ. Словомъ — историческій человѣкъ въ этомъ міровоззрѣніи — далеко не прозаическій и скучный Weltbuerger, излюбленный эпохою „просвѣщенія“ прошлаго времени (мы теперь, какъ бывало и прежде, только зады повторяемъ). Это — не всѣ вопросы благополучно рѣшившій, самодовольный и въ тоже время скучающій „общечеловѣкъ“ безъ идеализма, безъ преданій, безъ религіи, безъ поэзіи и безъ всякаго слѣда мистицизма, какъ и безъ семьи и отечества (да пожалуй и безъ собственнаго имени) [1]). Онъ

---

[1]) И *для чего* по-настоящему эти собственныя имена, фамиліи и т. п. съ точки зрѣнія разсудочнаго общечеловѣка? Все это вѣдь собственно только своего рода безполезная поэзія, поблажка „нераціональнымъ“ требованіямъ чувства (напр. отца, сына, автора книги и т. д.); для практическихъ-же, „существенныхъ“ цѣлей жизни совершенно достаточно было-бы ограничиться простою ну-

здѣсь—именно гражданинъ *своего* государства, *своего* времени и *своей* культуры,—человѣкъ у котораго пошлый утилитаризмъ и сухой, общій, безсодержательный формализмъ разсудка не заглушили еще и не вытравили изъ души ни стремящейся къ тому, что *внѣ* разсчетовъ, воли (знающей и *долгъ* и *подвигъ*, а не одинъ разсчетъ равновѣсія *правъ и обязанностей*) ни теплоты несовмѣстимаго ни съ какою вѣрностью разсчетовъ чувства, — который поэтому еще и энергически *хочетъ* жить и горячо *волнуется* жизнью и *способенъ*, во имя интереса къ ней, нести ее и даже наслаждаться ею.

2-я ЛЕКЦІЯ.

Совершенно иное пониманіе того идеала исторіи, осуществленіе котораго придаетъ хаотической на первый взглядъ смѣнѣ ея событій внутреннее единство и разумный смыслъ, встрѣчаемъ мы у значительнаго большинства мыслителей нашего времени, ищущихъ разгадки смысла исторіи не съ точки зрѣнія *самой*, *вызванной глубочайшими психологическими мотивами*, *исторіи* во всей ея живой полнотѣ, но—съ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія права, экономіи, войны и мира, торжества человѣческой мысли надъ силами природы путемъ роста и распространенія положительныхъ знаній, торжества соціальной „идеи“ надъ политическою и т. п. Въ ихъ воззрѣніяхъ на человѣка и исторію понятію *прогресса*, какъ постепеннаго воплощенія въ жизни помянутыхъ и подобныхъ имъ отвлеченныхъ началъ придается гораздо важнѣйшее значеніе, чѣмъ понятію *развитія* однѣхъ формъ жизни генетически, подъ неодолимымъ давленіемъ основныхъ душевныхъ требованій, изъ другихъ. Характеризуя съ возможною краткостью взглядъ на исторію этой группы мыслителей въ от-

---

мераціею граждан (напр. гражданинъ серіи 49-й, № 192,876, выпуска 1864 года). Не проще-ли этотъ послѣдній способъ обозначенія гражданъ и не раціональнѣе-ли онъ уже потому, что при немъ уже невозможна ошибка въ тождествѣ лица, нерѣдко случающаяся теперь, когда граждане обозначаются именами и фамиліями, могущими совпасть у двухъ лицъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго? И этотъ способъ—не мистификація; онъ уже серьезно предлагался нѣкоторыми мудрецами космополитическаго „просвѣщенія“!

личіе отъ изложеннаго выше, можно сказать, что всѣ они сходятся въ томъ, что видятъ идеалъ, смыслъ и оправданіе исторіи *не въ самомъ ея процессѣ*, (не внутренній смыслъ и критерій для нихъ важенъ), не въ самомъ возможно полномъ и богатомъ разнообразіемъ формъ развитіи, съ его трудомъ и борьбою, но въ томъ *конечномъ результатѣ*, къ которому этотъ трудъ и борьба имѣютъ будто-бы своимъ назначеніемъ привести человѣчество. Съ достиженіемъ этого результата и его окончательнымъ упроченіемъ въ жизни— трудъ и борьба, цѣною которыхъ онъ купленъ, естественно упраздняются, дальнѣйшее исканіе лучшаго, дальнѣйшее развитіе и исторія теряютъ уже свой raison dêtre. Наступаетъ золотой вѣкъ такъ сказать безпечальнаго и всячески обезпеченнаго отъ нарушеній *пользованія* плодами предшествующей исторической работы. Въ этой общей характеристикѣ извѣстнаго историческаго міровоззрѣнія уже ясно намѣчены и возможные въ его рамкахъ отвѣты на разные частные вопросы, возникающіе насчетъ опредѣленныхъ свойствъ того конечнаго результата, того строя жизни, въ постепенномъ осуществленіи котораго оно видитъ задачу и смыслъ исторіи, такъ что самая исторія представляется прогрессирующей въ той мѣрѣ, въ какой къ нему приближаетъ и регрессирующій— въ какой отъ него отдаляетъ человѣчество.

Прежде всего — идеальный, законченный и вполнѣ опредѣленный *результатъ* исторической работы, а не процессъ ея, не законъ преемства *въ смѣнѣ разнообразныхъ культуръ и формъ* здѣсь представляется началомъ единства въ исторіи, сводящимъ въ одно осмысленное цѣлое все безконечное многообразіе ея событій и стремленій. Какъ единственное объединяющее начало исторіи,—самый этотъ идеальный результатъ ея конечно не можетъ быть мыслимъ иначе, какъ *единый, общій* для всего человѣчества, безъ различія національностей и политическихъ раздѣленій. Иными словами: идеалъ будущаго для всякой теоріи прогресса, *по самому существу ея основной мысли*, есть идеалъ *космополитическій* и не можетъ быть инымъ. И наоборотъ: историческій взглядъ, отвергающій какой-бы то ни было космополитическій идеалъ человѣка и общества въ будущемъ, признающій разнообразную индивидуальность въ лицахъ, культурахъ и

учрежденіяхъ за вѣчный законъ жизни вообще и исторической жизни въ особенности,—ео ipso уже по существу своему чуждъ идеи прогресса, мѣсто которой въ немъ занимаетъ идея развитія. Какъ единый и общечеловѣческій,—или ступевывающій или не принимающій въ разсчетъ все то, что даетъ людямъ, культурамъ и учрежденіямъ ихъ живую своеобразность, идеалъ теоріи прогресса есть, далѣе, непремѣнно и *чисто раціоналистическій* идеалъ. Это такъ потому что только *понятія* разума и то въ мірѣ и человѣкѣ, что съ ними безусловно согласуется, могутъ быть *всеобщими*, чувства-же, вѣрованія, преданія, привычки,—вообще все *положительное*, какъ въ душевной жизни человѣка такъ и въ ея объективныхъ проявленіяхъ (дѣйствіяхъ, выраженіяхъ, учрежденіяхъ) непремѣнно носятъ на себѣ печать индивидуальности и даже—тѣмъ жизненнѣе, ярче и глубже, чѣмъ они индивидуальнѣе. Понятно, поэтому, почему во всякой теоріи прогресса значеніе главной движущей исторію человѣчества силы придается развитію отвлеченнаго (общаго) разума, *кришики*, росту и распространенію разсудочныхъ знаній (нпр. Бокль), *просвѣщеніе* словомъ, отодвигающему, по мѣрѣ своего усиленія на задній планъ интересы чувства и положительнаго, чуждаго раціонализму вѣрованія, и лишающему постепенно силы чисто-положительные, столь-же чуждые отвлеченному и общему разсудку авторитеты преданія, учрежденія и т. п. Но *космополитическій* и *чисто-раціоналистическій* характеръ идеала теоріи прогресса необходимо вносятъ въ него, какъ существенную, дополняющую ихъ черту, и требованіе развитія *равенства*. Лишь поскольку въ жизни возможно осуществленіе обезпечивающаго „раціональность„ и правильность равенства,—постольку возможно въ ней естественно и осуществленіе космополитическаго и чисто-раціоналистическаго строя какъ общественной такъ и внутренней, духовной жизни человѣка. Наконецъ столь-же естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ тремъ указаннымъ характеристическимъ чертамъ идеала прогресса, которыя *всѣ три требуютъ возможнаго исключенія изъ жизни всего индивидуальнаго, не общеразсудочнаго*, (всякій слѣд. чисто *личной* иниціативы, всякой особенности пониманія, вѣрованія и стремленія),—является четвертою и мечта *о возможно-автома-*

тичномъ, идеально-механизованномъ строѣ идеальной жизни, которая могла-бы сохранять себя подобно совершенному механизму, не колеблемая никакими индивидуальными уклоненіями измѣнчивыхъ человѣческихъ помысловъ, страстей и стремленій и отъ нихъ независимая. Космополитизмъ, раціонализмъ, господство равенства и автоматическій строй жизни—вотъ главные общіе признаки всѣхъ разнообразныхъ идеаловъ теоріи прогресса!

Всѣ эти четыре указанныя нами черты одинаково существенны для вполнѣ—продуманнаго идеала прогресса. Въ разныя времена, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ наиболѣе ярко выступала у теоретиковъ прогресса на передній планъ то та, то другая изъ нихъ, не нарушая тѣмъ впрочемъ значенія другихъ въ цѣломъ. [1]) Въ наше время (мы далѣе увидимъ, подъ вліяніемъ какого именно „философскаго“ міровоззрѣнія) всего ярче разрисовывается теоретиками прогресса послѣдняя изъ нихъ т. е. идеально—*автоматическій строй и общественной и духовной жизни достигшаго совершенства человѣчества.*

Конечный результатъ исторіи, цѣль прогресса и не можетъ представляться послѣдовательной мысли въ иномъ видѣ. Этотъ результатъ, этотъ идеальный строй жизни мыслится здѣсь вѣдь, какъ *заканчивающій* исторію и разрѣшающій удовлетворительно всѣ главныя задачи, ради которыхъ человѣчество совершало всю свою исторію! Трудъ и борьба въ этомъ строѣ мыслимы поэтому отнынѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они нужны для *сохраненія* того, что уже пріобрѣтено и для безпечальнаго

---

[1]) Такъ изъ первыхъ, ясно—сформулировавшихъ идею прогресса въ исторіи, *Кантъ* сущность этого прогресса полагалъ въ торжествѣ *космополитическаго права*, справедливости (*просвѣщеніе*—средство для осуществленія этой задачи), *Лессингъ*-же—въ космополитическомъ *просвѣщеніи* (Ueb. d. Erz. d. Menscheng. Ernst U. Falk и др.), за которымъ сами собой должны послѣдовать и „вѣчный миръ“ и торжество права и т. п. И тотъ и другой имѣютъ знаменитыхъ, хотя и нѣсколько, въ сравненіи съ ними, каррикатурныхъ продолжателей. Идею Канта до послѣднихъ нелѣпыхъ крайностей развилъ *Прудонъ* (de la Justice etc.); идею Лессинга—столь недавно еще знаменитый у насъ *Бокль* (первыя главы Исторіи Цивилизаціи въ Англіи). Послѣдней идеѣ въ Россіи особенно посчастливилось. Изъ массы вдохновенныхъ ею „сочиненій“ времени 60-хъ годовъ какъ на особенно забавное по найвности укажу на книжку *Шемунова* „убыточность незнанія“. Едва-ли какая-либо изъ современныхъ литературъ въ состояніи похвалиться равносильнымъ „курьезомъ“!!

пользованія имъ (для владѣнія), но не для ненужнаго уже новосозиданія и развитія. Трудъ и борьба здѣсь естественно сводятся на свой minimum, по возможности вовсе устраняются изъ жизни. Вмѣстѣ съ ними устраняются изъ идеала жизни и ихъ вѣчные спутники: ошибки, увлеченія, страданія, нарушенія права, война, насиліе, обманъ, страхъ и надежда, также какъ и *ненужные уже болѣе подвиги и муки творчества*! Это—состояніе спокойнаго и безусловно-обезпеченнаго пользованія всѣми благами культуры, всѣми пріобрѣтеніями прошедшаго,—пользованія, обставленнаго притомъ такими *гарантіями* и въ характерѣ самаго доразвившагося (подъ вліяніемъ положительнаго знанія и учрежденій) до этого состоянія человѣка и въ его общественныхъ учрежденіяхъ, что нарушеніе права и справедливости становится уже *невозможнымъ*. Да оно и немыслимо, ибо не имѣетъ уже въ идеальномъ строѣ никакой raison d'être. Здѣсь между человѣкомъ и внѣшними формами его жизни, его положеніемъ, его общественною властью и зависимостью (онъ самъ непремѣнно участвуетъ въ постановленіи тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется), его потребностями и средствами ихъ удовлетворенія—возстановлено полное равновѣсіе: *человѣкъ вполнѣ приспособился къ своей средѣ и вполнѣ приспособилъ ее къ своимъ нуждамъ*. Для дальнѣйшей борьбы, усилій, работы, съ цѣлью измѣнить эту среду, нѣтъ уже ни reison d'être, ни возможности. Да и для необходимости *самаго себя* насиловать въ виду согласованія съ этой средой,—для внутренней борьбы и подвига—въ жизни человѣка, въ совершенствѣ приспособившаго себя къ средѣ и среду къ себѣ, нѣтъ уже мѣста. Постоянно, по мѣрѣ своего совершенствованія, повторяя дѣйствія соотвѣтствующія великому принципу *приспособленія*, и такимъ путемъ (съ помощью наслѣдственности) привыкая къ нимъ какъ къ тому воздуху, которымъ онъ дышетъ, и наоборотъ—отвыкая отъ противоположнаго образа дѣйствій, человѣкъ наконецъ теряетъ самую возможность поступать иначе, чѣмъ какъ того требуютъ условія среды, т. е. поступать *нецѣлесообразно* и *безнравственно* (для многихъ изъ мыслителей этого направленія оба понятія совершенно совпадаютъ). [1]) При полной

[1]) У насъ писатели этого лагеря замѣняли оба выраженія однимъ, какъ со-

гармоніи между человѣкомъ и строемъ общества, обѣщаетъ намъ Г. Спенсеръ, самыя высшія дѣйствія, „требующіяся для гармоническаго веденія жизни, будутъ столь же обычными, какъ и тѣ низшія дѣйствія, къ которымъ мы побуждаемся простыми желаніями. Нравственныя чувства, являясь на сцену въ должное время, на должномъ мѣстѣ и въ должныхъ размѣрахъ, будутъ тогда руководить людьми столь же самопроизвольнымъ,—непринужденнымъ и вполнѣ соразмѣрнымъ образомъ, какъ руководятъ ими теперь ощущенія. [1]) Всѣ дѣятельности, нужныя для общественной жизни станутъ пріятными, а всѣ, идущія въ разрѣзъ съ ея требованіями,—непріятными: внутренняя борьба и сопутствующія ей страданія и подвигъ - *упраздняются*. И въ области внѣшняго дѣйствія, наконецъ, привычка и наслѣдственность, постепенно совершенствуя приспособленіе поступковъ къ цѣлямъ, цѣлесообразность дѣйствія, приведутъ въ концѣ концовъ человѣчество къ тому, что всѣ дѣятельности, всѣ работы его будутъ представлять лишь вполнѣ соразмѣрное, а потому и пріятное упражненіе свободныхъ силъ его, не напрягающее ихъ ни чрезмѣрно, ни недостаточно для требованій полнаго душевнаго и тѣлеснаго здоровья. О чемъ же, послѣ всего этого остается хлопотать и волноваться будущему человѣку, изъ-за чего страдать, что творить и къ чему стремиться?

Остается очевидно лишь—по неизмѣнному порядку природы рождаться, питаться, плодиться и умирать въ этой

единяющемъ въ себѣ и то и другое понятія, а именно—*нераціонально*. Это и *проще* и характернѣе для духа направленія.

[1]) *Спенсеръ*. Осн. науки о нравственности. 160. Опираясь на тѣ-же начала, у насъ г. Карѣевъ высказываетъ счастливую увѣренность, что „при нормальномъ „ходѣ дѣла“ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ люди должны (sic!) рождаться все съ большими задатками къ умственному, нравственному и соціальному развитію; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ должна все болѣе и болѣе утверждаться такая обстановка жизни человѣка, при которой личность все болѣе получаетъ интеллектуальное, моральное и соціальное воспитаніе. (Основные вопросы философіи исторіи II, 317). Какъ видно—все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно! И счастіе—необходимый спутникъ добродѣтели (какъ „раціональнаго“ образа дѣйствій), и сами люди годъ отъ году *должны* становиться умнѣе, добрѣе и лучше! Страшно даже и подумать, до какой степени ума, доброты сердечной и счастія доживетъ человѣчество лѣтъ черезъ тысячу напр., и до какой степени наши отдаленные предки были злы, глупы и несчастны!!

идсальной, не подлежащей уже дальнѣйшей переработкѣ внѣшней и внутренней средѣ, въ которой все уже навсегда регулировано, все согласовано и все предрѣшено. Всѣ функціи той и другой среды отнынѣ совершаются безъ всякихъ колебаній и нарушеній съ правильностью и однообразіемъ идеальнаго часоваго механизма: — и производство и потребленіе, — и мышленіе и чувство. Если здѣсь и остается еще мѣсто какому либо развитію, усовершенствованію, то лишь—развитію въ смыслѣ увеличенія *средствъ* существованія, усовершенствованію *пріемовъ* наивыгоднѣйшаго пользованія силами природы и человѣка для разныхъ "раціональныхъ", утилитарныхъ цѣлей. А это развитіе въ концѣ концовъ всецѣло сводится къ *увеличенію запаса нашихъ положительныхъ и техническихъ знаній и ихъ широчайшему распространенію въ обществѣ т. е. къ просвѣщенію.* Надъ всѣми силами и авторитетами жизни отнынѣ возвышается сила и авторитетъ положительнаго, практически—приложимаго знанія (savoir pour prévoir и prévoir pour pouvoir) и расчитывающаго, *критическаго разсудка.* Оно всецѣло и безраздѣльно господствуетъ отнынѣ, по благополучномъ одержаніи критическимъ разсудкомъ побѣды надъ стѣснявшими въ прошломъ его автократію и задерживавшими движеніе прогресса силами воображенія, чувства, некритической вѣры, преданія, привязанности къ традиціонному строю жизни и т. д. (Бокль) *Самодовольство и самодержавіе космополитическаго разсудка*—вотъ главный признакъ созрѣвшаго для идеальнаго благоденствія, достигшаго послѣднихъ высотъ прогресса человѣчества! Автономный, ничему кромѣ своего разсуда не подчиняющійся и не поклоняющійся, чисто - утилитарный, самодовольный и благоденствующій „гражданинъ вселенной" —вотъ представитель высшей ступени прогресса,—цвѣтокъ, выхоленію котораго посвященъ весь трудъ исторіи! При вполнѣ благополучномъ и притомъ никогда не сталкивающемся враждебно съ требованіями справедливости выполненіи идеальными особями этого типа однообразной программы человѣческой жизни отъ момента рожденія до смерти, всякому конечно полагается съ нѣкоторой благодарностью вспоминать, въ минуты досуга, о предшествовавшемъ, сошедшемъ со сцены историческомъ

человѣчествѣ. Все же вѣдь оно, это историческое человѣчество, цѣною своихъ страданій, труда и крови способствовало водворенію настоящаго идеально-блаженнаго состоянія, оно искало и создало тѣ блага, которыми отнынѣ возможно безпечально наслаждаться! Но если на достигнутой высотѣ и пріятно и поучительно вспоминать о своихъ оставшихся на полъ-дорогѣ предкахъ съ нѣкоторою смѣсью благодарности и снисходительнаго сожалѣнія зрѣлаго, спокойнаго мужа къ безпомощнымъ и страстнымъ порывамъ юноши, — то въ будущее пристально заглядывать уже не для чего, ибо *нечего ждать* отъ него. Вѣдь оно должно и будетъ повторять впереди лишь то же, что переживается въ идеальномъ настоящемъ! Да и въ окружающее, мирное, благополучное, безтрудное и справедливое настоящее не для чего космополитической особи всматриваться особенно пытливо и особенно имъ интересоваться. И въ этомъ окружающемъ, на всѣхъ самыхъ отдаленныхъ его точкахъ, точно также какъ и въ самые отдаленные по времени моменты будущаго она, эта особь, найдетъ (если не произойдетъ ухудшенія, регресса) только болѣе или менѣе полное повтореніе себя самой, своего счастливо-ограниченнаго положенія, своихъ среднихъ, „раціональныхъ“ задачъ и умѣренныхъ наслажденій, безошибочныхъ, положительныхъ мыслей и справедливыхъ и цѣлесообразныхъ дѣлъ!

Вмѣстѣ съ космополитическимъ уравненіемъ всѣхъ среднихъ интересовъ, характеровъ, положеній и образованій жизни так. обр. естественно *сгуживается* тотъ кругозоръ, въ которомъ пытливость мысли также какъ и стремленія воли могутъ находить для себя полное по ихъ запросамъ удовлетвореніе. Шире-ли при этомъ станетъ горизонтъ доступнаго взору и мысли человѣка окружающаго, или-же тѣснѣе, — въ сущности отнынѣ все равно, такъ какъ и въ широкихъ и въ тѣсныхъ рамкахъ жизнь можетъ и должна давать отнынѣ лишь *одно и то-же*, раціональное, неизмѣнное, вѣчно — повторяющееся въ безчисленныхъ экземплярахъ содержаніе. Для обширныхъ и рѣзко другъ отъ друга обособленныхъ вѣрованіями, интересами, воспоминаніями стремленіями и учрежденіями человѣческихъ союзовъ, каковы національныя или культурныя государства, въ подобныхъ „идеальныхъ“ условіяхъ жизни, какъ видно,

нѣтъ уже достаточной raison d'être. Здѣсь для обиходныхъ нуждъ жизни болѣе или менѣе точно *повторяющихъ* другъ друга и потому не имѣющихъ надобности вступать въ особенно тѣсное и глубокое другъ съ другомъ общеніе особей, [1]) совершенно достаточно повидимому и небольшихъ, обладающихъ однородною во всѣхъ отношеніяхъ и на вѣчныя времена организаціей космополитическихъ общинъ, состоящихъ между собою въ живомъ и ничѣмъ не стѣсняемомъ общеніи въ интересахъ мѣны, производства и т. п. Самыя общины эти, призванныя служить лишь космополитическимъ интересамъ среднихъ, благоденствующихъ особей (гл. обр. охраненію порядка), но ничѣмъ не связанныя, не опредѣляемыя ни изъ прошедшаго ни изъ будущаго (неисторическія или скорѣе анти-историческія, вродѣ напр. иногда очень сложно и цѣлесообразно-организованнаго муравейника), ничѣмъ и сами не *связываютъ* этихъ счастливыхъ, неисторическихъ особей, для нуждъ которыхъ онѣ предназначены. Онѣ не являются для этихъ особей даннымъ имъ мимовольно, отъ рожденія, роковымъ образомъ предрѣшающимъ ихъ судьбы и стѣсняющимъ ихъ самоопредѣленіе fatum'омъ ихъ,—но сами—дѣло ихъ свободнаго соглашенія, основаннаго на раціонально—понятомъ всякимъ интересѣ его. [2]) Такъ какъ каждый изъ членовъ такой космополитической общины и вся совокупность ихъ, руководясь лишь настоящимъ интересомъ и не будучи связаны ни преданіемъ, ни традиціонной вѣрою, ни національностью, не руководится въ своихъ рѣшеніяхъ ни требованіями прошедшаго ни требованіями будущаго, стоитъ внѣ того или другаго, то понятно, что *ничто кромѣ соглашенія наличной совокупности членовъ общества* не можетъ здѣсь опредѣлять организаціи ихъ формы общежитія. Не такъ въ національныхъ или культурныхъ государствахъ, преслѣдующихъ задачи *историческія*, связанныхъ поэтому и своимъ прошедшимъ и продолженіемъ и развитіемъ его въ будущемъ, и въ которыхъ поэтому одно соглашеніе или

[1]) Напомнимъ что, словами В. Гумбольдта, „der bildende Nutzen der,. Verbindungen beruht immer auf dem Grade, in welchem sich die Selbststaendigkeit der Verbundenen zugleich mit der Innigkeit der Verbindung erhaelt. (l. c. 11).

[2]) Требующемъ непремѣнно „ассоціаціи“ человѣка съ себѣ подобными.

одинъ общій интересъ *хотя-бы и всей наличной* совокупности гражданъ ничего сами по себѣ ни установить ни упразднить не могутъ [1]). Для космополитической общины достаточно, поэтому, *чисто—договорнаго* основанія, *недостаточнаго* для національнаго или культурнаго, историческаго государства. Въ этомъ договорномъ, механическомъ (въ противуположность органическому основанію государствъ) основаніи идеальной общины будущаго—теоретики прогресса видятъ даже главный залогъ ея прочности. „Чѣмъ менѣе говоритъ напр. г. Карѣевъ, общество походитъ на организмъ, тѣмъ оно прочнѣе; самое прочное общество можетъ быть только результатомъ общественнаго договора особей, свободно, на равныхъ правахъ примыкающихъ къ союзу, который обезпечивалъ бы за ними свободное развитіе“ [2]). И вступленіе особей въ ту или иную общину и выходъ ихъ изъ нея и самая организація общины здѣсь представляются такимъ образомъ дѣломъ вполнѣ свободнаго соглашенія наличной совокупности ея членовъ, основаннаго на обсужденіи всякимъ, *руководясь только своимъ разумомъ*, и своего и общаго интереса. Антагонизмъ между личнымъ самоопредѣленіемъ и объективнымъ порядкомъ и строемъ жизни, между лицомъ и обществомъ, здѣсь является такимъ образомъ окончательно побѣжденнымъ, а служеніе особи задачамъ общежитія—вполнѣ совпадающимъ со служеніемъ ея собственнымъ личнымъ стремленіямъ. Устраненъ онъ также, съ замѣною *политическаго* строя общежитія — *чисто-соціальнымъ*,—изъ *взаимныхъ отношеній* между самими идеальными общинами [3]). Вмѣсто этого антагонизма, изгнаннаго

[1]) Ср. приведенную выше (I-я л.) выписку изъ *Лотце*.

[2]) Основные вопросы философіи исторіи. II. 350.

[3]) Г. Карѣевъ полагаетъ, что для войнъ долженъ настать конецъ вмѣстѣ съ устраненіемъ изъ идеально-человѣчной жизни безнравственной по взгляду „всякаго сколько-либо развитаго человѣка“, борьбы—за существованіе. А главная причина этой борьбы должна исчезнуть съ развитіемъ ума, альтруистическихъ чувствъ и соціальныхъ формъ. „Въ общемъ результатѣ полное изгнаніе борьбы за существованіе изъ обществъ“ говоритъ онъ „нельзя считать совершенной невозможностью, потому что съ одной стороны предѣлъ размноженія можетъ расширяться въ уровень съ самимъ размноженіемъ (которое вовсе не такъ быстро какъ думали), пока не достигнетъ предѣла, полагаемаго потенціальными средствами земнаго шара, а съ другой стороны—прогрессъ есть по

уже окончательно изъ жизни отдѣльныхъ совершенныхъ экземпляровъ рода homo, также какъ и изъ отношеній между совершенными общинами, въ которыхъ протекаетъ благополучно и справедливо жизнь этихъ одинаково-образцовыхъ экземпляровъ, отнынѣ воцаряется вездѣ благодѣтельная *кооперація*. Всюду наступаетъ царство мира и любви, усиленнаго производства и обмѣна цѣнностей, — царство добродѣтельныхъ купцовъ и безкорыстныхъ банкировъ честныхъ и эстетическихъ конторщиковъ и умныхъ и трезвыхъ работниковъ! Всѣ равно и въ мѣру другъ-друга любятъ на земномъ шарѣ; всѣ одинаково хорошо работаютъ и наслаждаются плодами своего труда надъ одинаково хорошо во всѣхъ закоулкахъ земнаго шара воздѣланной, орошаемой, снабженной путями сообщенія и т. п. почвой; всѣ одинаково другъ другу, безъ излишняго напряженія силъ, помогаютъ и одинаково умно другъ-другомъ для своихъ цѣлей пользуются! И не перескажешь всѣхъ прелестей этого идеальнаго строя жизни, имѣющаго наступить, какъ вѣнецъ прогресса, по полномъ приспособленіи человѣка къ средѣ и среды къ человѣку, по полномъ очищеніи и духа человѣческаго и жизни отъ всего *нераціональнаго*, чѣмъ смущалось и отъ чего страдало и восторгалось человѣчество въ ребяческіе, *еще* историческіе вѣка своей жизни! *Политическій* интересъ жизни, вмѣстѣ съ трудомъ, борьбою, развитіемъ и страданіемъ изъ за идеальныхъ историческихъ и народныхъ задачъ, уступилъ здѣсь мѣсто спокойно — трезвому, преслѣдующему лишь вполнѣ реальныя, существенныя цѣли — *соціальному*; *народъ*, своеобразно организованный и своеобразно выполняющій подъ руководствомъ преданій, вѣрованій и органической власти свою особую задачу

необходимости регрессъ плодовитости“ (Осн. вопр. филос. Ист. II, 325). Допустимъ все это. Но развѣ *изъ этого*, изъ предѣловъ питанія и размноженія, изъ-за *средствъ къ существованію* возникаютъ главнымъ образомъ войны между людьми? А рознь идей, стремленій, идеаловъ, вѣрованій, культуръ? Человѣкъ именно тѣмъ то и отличается отъ животнаго, что способенъ бороться не за *голый фактъ* существованія, а за *принципъ*, оправдывающій его. Или всѣ эти мотивы розни и борьбы съ *раціональнымъ* развитіемъ ума, чувствъ и учрежденій *обезсмысливаются*,—мысли, идеалы, стремленія и вѣрованія *уравниваются?* Конечно изъ-за „положительныхъ“ знаній и положеній вродѣ дважды—два-четыре—войнъ и борьбы не возникнетъ; но развѣ „раціональное“ развитіе оставитъ въ душѣ человѣка одно *подобное* содержаніе, вытравивъ изъ нея все иное?!

жизни во времени—уступилъ мѣсто аггрегату *космополитическихъ особей*, объединяемыхъ лишь разумно понятымъ интересомъ, не продолжающихъ ничьего прошедшаго и не зачинающихъ никакого будущаго; мѣсто идеи безотносительнаго *долга*, какъ незыблемаго и независящаго ни отъ какихъ внѣшнихъ случайностей правила дѣйствія, занимаетъ арифметически—разсудачная идея *обязанности*, обусловленной точно соотвѣтствующимъ ей правомъ и отпадающей, коль скоро это право отмѣнено общимъ соглашеніемъ или оказывается неосуществимымъ; мѣсто интереса историческаго и нравственнаго занимаетъ интересъ утилитарный. Эгалитарно-либеральный идеалъ жизни людей, равныхъ и въ трудѣ и въ благополучіи и во власти—осуществленъ! И несчастные и великіе люди отнынѣ равно ненужны и невозможны. Вездѣ богатая и наилучшими способами, согласно со всѣмъ богатствомъ указаній точной, немечтательной науки обрабатываемая земля усердно откармливаетъ безчисленныя поколѣнія безукоризненныхъ, раціональныхъ и довольныхъ собою двурукихъ, а *трудъ и подвигъ* во имя идеала наконецъ уступили мѣсто *наслажденію*, удовлетворенію потребности во имя ея самой! Конечно нѣтъ здѣсь уже мѣста никакимъ надеждамъ и страхамъ, чаяніямъ и гаданіямъ, никакимъ безплоднымъ и мучительнымъ порывамъ въ область трансцендентнаго (все здѣсь такъ ясно!) и никакому сердечному влеченію ко взаимному дополненію состоящихъ въ раціональномъ и добровольномъ общеніи особей (вѣдь всѣ здѣсь—приблизительно—равны и одинъ для другаго имѣетъ лишь смыслъ орудія труда или наслажденія, контрагента и т. п.!). Нѣтъ мѣста ни религіи ни поэзіи ни любви. На очищенномъ отъ нихъ пустырѣ души „усовершенствованнаго“ человѣка царитъ отнынѣ одно положительное, приложимое знаніе и положительный интересъ; самъ человѣкъ сталъ вполнѣ автономенъ, а жизнь—автоматична.....!

Не всѣмъ конечно писателямъ, искавшимъ внутренняго смысла исторіи не въ самомъ процессѣ и законѣ развитія, а въ постепенномъ водвореніи конечнаго, идеальнаго (съ точекъ зрѣнія благополучія, права, справедливости, равенства etc) строя жизни, картина этого строя представлялась со всѣми тѣми чертами, которыя мы сейчасъ пытались сгруппировать

въ одномъ цѣлостномъ очеркѣ, преслѣдуя здѣсь задачу — *указать ихъ внутреннюю, необходимую сопринадлежность* въ послѣдовательномъ мышленіи, а не—изложить ту или другую изъ существующихъ отдѣльныхъ теорій прогресса въ исторіи. То съ одной, то съ другой изъ этихъ чертъ почти каждый изъ нихъ не могъ помириться вполнѣ, тѣмъ большее значеніе и развитіе придавая другимъ, не затрогивающимъ его личныхъ симпатій чертамъ. Почти каждый вносилъ въ этотъ идеалъ болѣе или менѣе удачныя эклектическія дополненія, ограниченія и поправки во имя своихъ эстетическихъ, религіозныхъ, національныхъ и др. привычекъ и потребностей сердца, оказывавшихся болѣе сильными, чѣмъ требованія логики. Но эти послѣднія, къ какимъ-бы чудовищнымъ результатамъ они ни приводили, въ концѣ концовъ *всегда берутъ свое*. Въ умахъ наименѣе способной къ критическому, осторожному и всестороннему мышленію массы—послѣдовательная, хотя-бы и чрезвычайно односторонняя мысльвсегда возьметъ верхъ надъ всякимъ компромиссомъ и черезъ чуръ уже осмотрительнымъ экклектизмомъ (недаромъ невѣжество тѣмъ опаснѣе чѣмъ оно искреннѣе), и послѣдніе свойственны по-преимуществу именно болѣе привычному къ научному мышленію, менѣе близорукому меньшинству, которое вмѣсто съ тѣмъ—и менѣе энергично. Съ другой стороны—эти экклектическіе варіанты не затрогиваютъ *существенныхъ* чертъ набросанной нами общей картины „идеальнаго“ строя жизни, какъ конечной цѣли исторіи, задачи прогресса. Этотъ идеальный строй все таки вездѣ представляется, какъ 1-хъ *соціальный*, 2-хъ *космополитическій*, 3-хъ *эгалитарно—либеральный*, 4 хъ *утилитарный* и 5-хъ возможно—*механизованный* (наименѣе зависимый отъ личной инициативы и личныхъ особенностей живущихъ въ немъ людей) порядокъ жизни, изъ которой устранены по возможности тягость труда, борьба, страданіе, несправедливость, потребность дальнѣйшаго творчества и развитія, также какъ—и вліяніе всякаго авторитета, кромѣ авторитета критическаго разсудка и положительнаго знанія. Это—порядокъ жизни совокупности представителей типа *средняго*, чисто разсудочнаго, благоденствующаго и автономнаго *человѣка*, но не историческаго, органически развивающагося на

исторической почвѣ и подъ руководствомъ *не чисто-раціональныхъ, но положительныхъ* авторитетовъ и началъ *народа.*

Новѣйшее время, которому собственно и принадлежитъ по своей литературной разработкѣ и широкому распространенію самая идея прогресса, [1]) особенно богато представленіями о *такомъ* идеальномъ строѣ безпечальной, мирной и справедливой жизни совокупности неисторическихъ, *среднихъ* людей, какъ конечной цѣли исторіи. Этимъ богатствомъ оно обязано чуть-ли не главнымъ образомъ (по крайней мѣрѣ за послѣднія десятилѣтія) приложенію къ истолкованію исторіи человѣчества заимствованнаго изъ біологіи общаго понятія о жизни *эволюціонистской школы.* Жизнь вообще опредѣляется здѣсь какъ постепенно развивающееся и совершенствующееся (путемъ *закрѣпленія* въ организаціи склонностей и способностей къ особенно-часто повторяющимся и становящимся привычными актамъ,—*наслѣдственности* этихъ органическихъ склонностей и способностей и *выживанія* тѣхъ особей, у кого онѣ получили наивыгоднѣйшій въ данныхъ условіяхъ жизни характеръ) *приспособленіе* внутреннихъ отношеній организмовъ къ внѣшнимъ отношеніямъ среды, въ которой ихъ жизнь протекаетъ. Исходя изъ совершенно вѣрнаго наблюденія, что жизнь вообще, во всей іерархіи существъ, представляетъ разныя, болѣе и болѣе совершенныя (сложныя и точныя) формы приспособленія болѣе и болѣе сложныхъ организмовъ къ условіямъ ихъ среды,—приспособленія, безъ котораго самое выживаніе этихъ организмовъ въ этой средѣ невозможно, — представители этого направленія съ *этимъ*

---

[1]) XIX. Вполнѣ опредѣленно и ясно высказали идею необходимаго прогресса въ исторіи впервые только *Лессингъ* (Ueber die Erziehung des Menshengesch. lechts) и *Кантъ* (Wercke, A. v. Hartenst. IV. 304—309 seqq. также 348 sedq- и др.). Съ тѣхъ поръ эта идея у большинства писателей по философіи исторіи стала основною. So weit auch die Richtungen auseinandergehen mögen, замѣчаетъ M a y r, in einem Punkte treffen sie doch alle zusammen: in der immer klareren Anerkennung des F o r t s c h r i t t s g e d a n k e n s... Und zwar der wahrhaftige Fortschritt,—nicht die Rücklaufs—oder Cyklustheorie, nicht die Verurtheilung alles Geschehenen als verächtlich, endlich nicht die Idee der blossen Veranderung, des Anderswerdens, des progressiven Differencirens wird die Lieblings-doctrin des neuen Jahrhnnderts (Philos. Geschichtsauffassung der Neuzeit. I. 245).

біологическимъ понятіемъ приступаютъ къ объясненію и жизни и исторіи человѣка, не сомнѣваясь въ томъ, что оно окажется вполнѣ достаточнымъ началомъ объясненія и въ *этой* области. Убѣдившись въ вѣрности своего общаго и элементарнаго опредѣленія жизни, они по странному недоразумѣнію слишкомъ часто склонны объяснять и оцѣнивать *всѣ* (и самыя даже сложныя и индивидуальныя) жизненныя функціи и формы развитія живыхъ существъ вообще и человѣка въ особенности, какъ *только—пріемы*, прямыя или косвенныя средства этого элементарнаго процесса приспособленія, изъ него заимствующія *все* свое содержаніе и значеніе. Изъ того, что жизнь есть, но *самому общему* своему опредѣленію, приспособленіе организма къ средѣ, они слишкомъ склонны выводить, безъ дальнихъ околичностей, что *вся* жизнь, во всемъ ея объемѣ, содержаніи и цѣнности, на всѣхъ ея ступеняхъ, низшихъ и высшихъ, есть *лишь* приспособленіе, внѣ и помимо котораго нѣтъ ничего существеннаго и дѣйствительно-цѣннаго во всемъ содержаніи и во всѣхъ формахъ жизни. Съ этой точки зрѣнія и самое человѣческое сознаніе, въ которомъ коренится вся наша человѣчность, наша религія, наука, искусство, нравственность, право, исторія,—объясняется и цѣнится лишь *какъ средство наиболѣе совершеннаго и точнаго приспособленія* наиболѣе сложнаго между всѣми человѣческаго организма къ его земной средѣ,—средство наилучшаго утилизованія человѣкомъ наличныхъ силъ этой среды и его собственнаго организма для цѣли *выживанія—и только!* *Это* орудіе выше другихъ орудій приспособленія лишь тѣмъ, что оно тоньше и точнѣе ихъ; но оно—все-же лишь *орудіе*, средство достиженія цѣлей, которыя ставятся не имъ самимъ, но общимъ біологическимъ процессомъ приспособленія. Вся заслуга сознанія и все его достоинство, поэтому, *не въ положеніи для дѣятельности тѣхъ или другихъ цѣлей*, — цѣли предполагаются уже данными въ необходимости приспособиться къ даннымъ независимо отъ сознанія условіямъ положенія,—но въ согласованіи, подъ его руководствомъ, поступковъ съ ихъ цѣлями, въ *цѣлесообразности* дѣйствій, имъ обусловленныхъ [1]). Такимъ образомъ

[1]) Г. Спенсеръ даже различіе между добрымъ и злымъ поведеніемъ сводитъ на приспособленіе или неприспособленіе дѣйствій къ ихъ цѣлямъ, т. е. на ихъ

сознаніе здѣсь лишается значенія *творческой* силы жизни, вносящей въ нее массу совершенно новаго и личнаго, *не* заимствованнаго изъ данной ему среды, специфически—человѣчнаго содержанія, и низводится на степень служебнаго орудія органическихъ потребностей, общихъ человѣку со всѣми,—по крайней мѣрѣ съ болѣе развитыми животными [1]). Значеніе за сознаніемъ здѣсь признается чисто — *утилитарное*,—а содержаніе—лишь *данное* ему, независимо отъ его собственнаго запроса, изъ внѣшней или внутренней среды. Всякій *идеализмъ* (а безъ него, какъ мы помнимъ, исторія невозможна), всякая личная особенность мысли и стремленій съ этой точки зрѣнія являются лишь плодомъ *недостаточнаго* или ненормальнаго развитія сознанія, признакомъ *несовершенной* приспособленности человѣка къ тому, къ чему приспособиться—главная задача всей его жизни. И геній и безуміе и преступленіе на этой почвѣ равняются между собою, какъ лишь различные *виды* неудавшагося, несовершеннаго приспособленія. Все то въ содержаніи нашего сознанія, что прямо или косвенно не служитъ этой великой и общей задачѣ приспособленія, здѣсь признается или ненужною, барскою роскошью, или — прямо паразитнымъ и вреднымъ для экономіи жизни, ибо непроизводительно отвлекающимъ наличныя силы ея отъ „существенныхъ“ за-

---

цѣлесообразность или нецѣлесообразность. Но если это такъ, если признаки „добрый“ или „злой“ придаются нами дѣйствующему существу не вслѣдствіе того, что оно поставило ту или иную *цѣль* своему дѣйствію (цѣли здѣсь предполагаются уже готовыми, данными существу уже въ условіяхъ его положенія) а всилу *цѣлесообразности* въ дѣйствіи, — то конечно любой автоматъ, локомотивъ или хорошій хронометръ по безошибочной цѣлесообразности своихъ дѣйствій имѣютъ болѣе правъ на эпитетъ „добрый“, чѣмъ самый добродѣтельный изъ людей, *которому быть безошибочно — цѣлесообразнымъ всегда мѣшаетъ сознательность его дѣйствій*, всегда открывающая возможность выбора и ошибки. Только автоматичныя, безсознательно инстинктивныя дѣйствія бываютъ безошибочно цѣлесообразны. Впрочемъ Г. Спенсеръ *надѣется* что съ прогрессомъ и „успѣхами просвѣщенія“ всѣ самыя высшія нравственныя дѣйствія сдѣлаются автоматичными, инстинктивными..... Высокій нравственный идеалъ!

[1]) И во всякомъ случаѣ—*общихъ всѣмъ* людямъ, по крайней мѣрѣ—живущимъ въ *одинаковой* средѣ. Отсюда ясна связь теоріи приспособленія съ идеею *равенства* и *автоматичнаго* строя жизни (внѣшняго и внутренняго) столь существенной, какъ мы видѣли, въ идеалѣ прогресса.

дачъ,—продуктомъ ея болѣзненнаго развитія. И въ наукѣ и въ искуствѣ и въ общественной жизни и даже въ религіи [1]) съ этой точки зрѣнія признается существеннымъ и дѣйствительно — цѣннымъ *одно утилитарное*, такъ или иначе могущее послужить задачѣ приспособленія. Знаніе признается лишь поскольку оно есть, въ духѣ позитивизма, savoir pour prévoir и préoviг pour pouvoir; а такъ какъ для *этой* цѣли достаточно знанія порядковъ сосуществованія и послѣдованія *явленій*, говорящаго намъ *какъ*, но не *почему?* они въ такомъ порядкѣ сосуществуютъ и смѣняются,—то и вопросъ „почему?“ и всякій помыслъ о чемъ либо, что *не—явленіе* изгоняются изъ области знанія, какъ внѣнаучные и противонаучные. Искусство допускается лишь какъ особый пріемъ популярнаго *изложенія* нравственныхъ или политическихъ воззрѣній той или другой общественной партіи и возбужденія соотвѣтствующихъ „гражданскихъ“ страстей и настроеній. Религія цѣнится какъ полезный, но лишь переходный моментъ, — своего рода *педагогическая* уловка въ воспитаніи человѣчества для полной приспособленности человѣка къ цѣлямъ общежитія,—какъ подготовительная школа къ филантропіи и т. п. (мысль Лессинга) Моральность поступковъ сводится на цѣлесообразность ихъ, на *умѣнье* достигать желаемагоуспѣха, добиться своего, при чемъ моральнѣйшій человѣкъ есть и наиболѣе имѣющій успѣха, счастливѣйшій, и наоборотъ—несчастный, не достигающій своей предположенной цѣли, а слѣд. нецѣлесообразно дѣйствовавшій, eo ipso есть уже и безнравственный человѣкъ [2]). Наконецъ и са-

[1]) Напомнимъ всѣмъ извѣстныя современныя попытки свести религію всецѣло на филантропію, „добрыя дѣла и любовь“ съ устраненіемъ изъ религіи, какъ неважнаго, всѣхъ ея откровенныхъ, мистическихъ, таинственныхъ, чудесныхъ и даже метафизическихъ элементовъ. *Церковь* для религіи, *такъ* понимаемой, конечно также мало нужна какъ и для той мнимой религіи, которая производитъ себя или изъ потребностей чисто — личнаго чувства или изъ *невполнѣ* разрѣшаемыхъ разумомъ вопросовъ чисто—личнаго-же теоретическаго міровоззрѣнія, и которая представляетъ лишь разнообразные виды *автолатріи*. Таковы всѣ исповѣданія, довольствующіяся или вѣрою безъ дѣлъ, или дѣлами безъ вѣры, въ сущности чуждыя и даже враждебныя какъ религіи въ ея настоящемъ смыслѣ, такъ и церкви.

[2]) Изъ болѣе крупныхъ писателей этого направленія поистинѣ изумительны разсужденія, приводящія къ подобнымъ выводамъ, мы встрѣчаемъ напримѣръ у *Г. Спенсера* въ „Основанія науки о нравственности“.

мая исторія, измѣненіе учрежденій, жизнь и борьба государствъ, культуръ и народовъ—оправдываются лишь какъ формы постепенно совершенствующагося приспособленія человѣка къ его общественной (надъ—органической) средѣ и этой среды—къ нуждамъ и потребностямъ индивида [1]). Задачи науки для науки (неутилитарные вопросы знанія, напр. метафизика) чистаго (нетенденціознаго, не гражданскаго) искуства, религіи для религіи (не для цѣлей *дисциплины* „ветхаго Адама“ только) также какъ и задача развитія для самого развитія отходятъ на задній планъ, если не относятся прямо къ вреднымъ, безсмысленнымъ и празднымъ затѣямъ устарѣлаго и эгоистическаго, „сытаго“ [2]) идеализма. Творчество, геній, подвигъ и страданіе сводятся на одинъ уровень съ болѣзнью, недоразвитостью [3]), преступленіемъ и уродствомъ, такъ какъ и въ первыхъ и въ послѣднихъ одинаково проявляется несовершенное приспособленіе организма къ средѣ,—не органической и надъ—органической, и негодность въ данномъ случаѣ сознанія (*затемненнаго* всякими идеалами и страстями), какъ орудія такого трезваго приспособленія. А въ приспособленіи—вся задача, вся цѣнность и людей и начинаній,—въ приспособленности—все достоинство людей и поступковъ! Любопытно было-бы заглянуть въ душу позднѣйшему историку и угадать, какое впечатлѣніе произведетъ на него это ликующее и самоувѣренное господство теоріи „приспособленія“, какъ высшаго

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія понятно почему, словами г. *Страхова*: „просвѣщеніе для многихъ современныхъ людей состоитъ преимущественно въ отрицаніи всякихъ духовныхъ требованій, какъ устарѣлыхъ предразсудковъ; свобода—только въ освобожденіи отъ давящей силы капитала; справедливость—только въ равномѣрномъ распредѣленіи матеріальныхъ удобствъ жизни (*борьба съ Западомъ* II. 51).

[2]) Любопытно, что современные писатели очень щедро приписываютъ сытость и праздность именно идеализму, наперекоръ опыту всѣхъ вѣковъ, показывающему намъ сытымъ, спокойнымъ и чуждымъ творчества — вездѣ и всегда „приспособившійся“ *реализмъ*!

[3]) У насъ г. *Карѣевъ* напримѣръ даже выставляетъ такое положеніе: „Прогрессъ міросозерцанія состоитъ въ постепенномъ подчиненіи творчества критической мысли (О. в. фил. истор. II. 385). Много любопытнаго въ этомъ приложеніи теоріи приспособленія можно встрѣтить въ книгѣ г. *Дриля* „малолѣтніе преступники“.

закона и задачи жизни именно *въ наше время*,—время когда все, начиная отъ эпидеміи самоубійства (возводимаго даже въ теорію), господства пессимизма, протеста нигилизма противъ *всякой* культуры и небывалаго развитія въ обществѣ преступленій и нищеты, и кончая чуть не ежедневными опытами общественнаго и государственнаго переустройства, свидѣтельствуетъ о томъ, что современное человѣчество переживаетъ [1]) именно періодъ величайшей такъ сказать *отспособленности* человѣка отъ той среды, въ которой ему назначено жить!? Не злѣйшею-ли ироніею жизни покажется ему все это ликующее *недоумѣніе* и не повторитъ-ли онъ невольно древняго „quem vult perdere—dementat"?!

Мы здѣсь не имѣемъ возможности подвергнуть подробному разбору попытку примѣненія эволюціонистскаго понятія о жизни вообще къ объясненію и оцѣнкѣ жизни человѣка и человѣчества, къ опредѣленію задачи и смысла *исторіи*. Ограничимся немногими и несложными замѣчаніями. Конечно, жизнь всякаго органическаго существа вообще,—и дурная и хорошая, и сложная и простая,—представляетъ намъ случай дѣятельнаго приспособленія его къ окружающей средѣ, ибо *безъ этого приспособленія жизнь вовсе невозможна*. Я, съ моими легкими, не могу дышать въ водѣ, а рыба, съ своими жабрами — на воздухѣ [2]). Но если приспособленіе есть несомнѣнно conditio sine qua non жизни, то *исчерпывается*-ли этимъ однимъ, самымъ *общимъ* и чисто — *отрицательнымъ признакомъ все содержаніе* понятія жизни въ его положительности и индивидуальности, сложности [3])? Ко-

---

[1]) Яркими и къ сожалѣнію слишкомъ вѣрными по отношенію къ Европѣ, чертами обрисовано это состояніе современнаго человѣчества въ книгѣ Nordau: die conventionellen Zügen der Culturmenschheit. (Гл. I. pp. 1—36).

[3]) Хотя конечно, отсюда не слѣдуетъ еще, что *все время*, пока я буду окруженъ воздухомъ, а рыба—водою, и я и рыба будемъ благополучно дышать и—только дышать!

[2]) Исчерпывается-ли иначе содержаніе понятія *вида* признаками, составляющими содержаніе понятія *рода*? Всякій школьникъ, прослушавшій курсъ элементарной логики, конечно отвѣтитъ отрицательно, вспомнивъ законъ обратнаго отношенія объема и содержанія понятія, (видовое понятіе входитъ въ *объемъ* родоваго какъ его часть, родовое входитъ въ *содержаніе* видоваго, *какъ часть* этого содержанія) Но ученымъ повидимому не возбраняется незнаніе такихъ слишкомъ простыхъ истинъ, знаніе которыхъ обязательно для школьника.

нечно нѣтъ! Я, пишущій сейчасъ эти строки, безъ сомнѣнія представляю, со всей моей настоящей обстановкой, одинъ изъ сложныхъ случаевъ общаго закона тяготѣнія, пропорціональнаго массамъ и обратно—пропорціональнаго квадратамъ разстояній. Но конечно и я самъ и вся моя обстановка, и эти строки, которыя я пишу, имѣютъ и иное содержаніе и иную цѣнность, чѣмъ только *частный случай*, примѣръ міроваго закона тяготѣнія. Нельзя характеризовать и оцѣнивать все это въ отличіе отъ другихъ людей, обстановокъ и строкъ одними видоизмѣненіями въ комбинаціи разныхъ массъ и разстояній. Сказавъ о какой-либо книгѣ, что она есть тяжелое и непрозрачное тѣло, конечно всякій будетъ правъ. Но онъ будетъ правъ лишь *до* тѣхъ поръ, пока не скажетъ, что она есть *только* тяжелое и непрозрачное тѣло, въ которомъ нѣтъ никакихъ иныхъ свойствъ кромѣ этихъ, общихъ книгѣ со всѣми физическими тѣлами вообще. Если смѣшнымъ и лишеннымъ всякаго слѣда логики нашли-бы мы всякаго, кто вывелъ бы изъ положенія „всякій человѣкъ есть животное“ — положеніе что и обратно „всякое животное есть человѣкъ“,—то туже самую смѣшную логическую ошибку, только съ другаго конца, дѣлаетъ и тотъ, кто изъ того, что въ человѣкѣ *есть* признаки рода животное, выводитъ что никакихъ *иныхъ* признаковъ, кромѣ этихъ родовыхъ, въ человѣкѣ вовсе *и нѣтъ*, что такимъ образомъ содержаніе видового и родового понятія *совпадаютъ*, т. е. видъ не есть видъ, лишенъ отличительнаго признака [1]). Эту то ошибку и дѣлаютъ тѣ, кто думаютъ опредѣлить и объяснить человѣческую жизнь и исторію однимъ *совершенствующимся приспособленіемъ* организмовъ къ средѣ (сначала — неорганической, а затѣмъ — надъ — органической), хотя нѣтъ сомнѣнія что эта жизнь и исторія и *невозможны* внѣ приспособленія и *не совершается* внѣ его, такъ что во всякомъ явленіи ихъ можно *указать* слѣды дѣйствія общаго закона приспособленія [2]). Положительный смыслъ ихъ, задача и

1) А отличительные признаки именно и важны для характеристики.

2) Но такое указаніе въ частномъ явленіи присутствія одного изъ общихъ законовъ конечно не исчерпываетъ еще предмета и не объясняетъ его въ его *особенности*; также напримѣръ, какъ указавъ во всѣхъ явленіяхъ, что они имѣютъ начало, середину и конецъ,—что не требуетъ особаго напряженія мысли

характеристическій *ихъ* законъ не могутъ быть опредѣлены и поняты изъ одного этого наиболѣе общаго и элементарнаго ихъ условія. Элементарныя и общія условія и образованія жизни вообще, *какъ родовыя*, гораздо менѣе опредѣляютъ положительное содержаніе и направленіе *той или другой* жизни (напр. специфически—человѣчной, самосознательной) чѣмъ позднѣйшія, частныя, болѣе индивидуальныя ея условія и образованія. — Такъ и вообще въ экономіи какого-либо живаго существа позднѣйшіе по времени и сложнѣйшіе органы его, позднѣйшія образованія его развитія играютъ для *его* дѣятельности и судебъ болѣе важную, опредѣляющую роль, чѣмъ первичныя, болѣе раннія (или остающіяся навсегда въ зачаточномъ состояніи, или опредѣляющія только родовой характеръ существа, но не его индивидуальныя судьбы) [1]). Такъ и въ человѣческой жизни. Самое важное, рѣшающее все значеніе принадлежитъ здѣсь именно самому высшему, индивидуальному и позднѣе другихъ выступающему на сцену проявленію ея,—сознанію и самосознанію съ его собственными, часто стоящими внѣ всякаго отношенія къ задачѣ „приспособленія“ и выживанія, и не смотря на то дающими однако нашей жизни *весь* ея интересъ, направленіе, цѣну и достоинство вопросами, стремленіями и потребностями. Достаточно (повторю сказанное въ др. мѣстѣ) напомнить о „безкорыстныхъ“ вопросахъ никогда не умирающей въ человѣкѣ, какъ бы ни одичалъ онъ (приспособился?) метафизики и религіи, о вполнѣ „безполезныхъ“ съ точки зрѣнія приспособленія чувствахъ комизма и трагизма, о потребности игры впечатлѣній и мыслей, безцѣльнаго развлеченія и безкорыстной дѣятельности вообще [2]), неудовлетвореніе которой можетъ повести къ серь-

громадныхъ знаній,—мы ни одного изъ нихъ конечно не объяснили-бы этимъ и не охарактеризовали-бы, ничуть не подвинулись-бы въ его познаніи (нѣчто подобное впрочемъ съ большими надеждами предпринималъ когда-то проф. Сѣченовъ въ „рефлексы головнаго мозга)“.

[1]) И чѣмъ высшую ступень занимаетъ существо въ іерархіи развитія (чѣмъ оно сложнѣе, индивидуальнѣе), тѣмъ ярче, очевиднѣе подтверждаетъ оно эту истину. Изъ эмбріологіи мы знаемъ, что зародышъ нашъ постепенно проходилъ всѣ главныя ступени животнаго царства, а многое-ли въ моей жизни опредѣляется тѣмъ, что я когда-то по строенію былъ близокъ напр. къ рыбѣ?!

[2]) Ср. по этимъ вопросамъ небольшое, но замѣчательное разсужденіе покойнаго Dumont: Theorie scientifique de la sensibilité.

сзному душевному разстройству; — о смѣхѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ созерцаніи, о порывахъ творчества и жаждѣ подвига, томящихъ иногда даже самаго закоренѣлаго буржуа, — объ общемъ всему человѣчеству и практически сильнѣйшемъ изъ всѣхъ понятій ума понятіи о свободѣ воли и т. д. [1])—для того чтобы показать, какая бездна наиболѣе постоянно дѣятельныхъ и энергичныхъ пружинъ духовной жизни человѣка, какая подавляющая масса содержанія и интересовъ ея не находитъ себѣ въ эволюціонистскомъ понятіи о жизни, какъ о чисто — утилитарномъ процессѣ приспособленія, не только никакого *оправданія* (все это скорѣе отспособляетъ человѣка отъ среды, чѣмъ приспособляетъ его къ ней) но даже и никакого объясненія. Какъ же можетъ это утилитарное, бѣдное и чисто—отрицательное понятіе приспособленія, безпомощное и безплодное уже въ области личной психологіи, привести къ пониманію смысла и задачи несравненно сложнѣйшей исторіи? Или для того чтобы душевная жизнь его и исторія стали *вполнѣ — понятны ему и вполнѣ раціональны*,—человѣчеству нужно поскорѣе выкинуть за бортъ все не—утилитарное, о чемъ мы сейчасъ говорили и, отказавшись отъ *всего* богатства своего духа – остаться при этой скудной понятности и приспособленности [2])?!

А между тѣмъ подъ преобладающимъ вліяніемъ этого именно понятія о приспособленіи, какъ высшемъ законѣ

---

[1]) Это понятіе конечно *менѣе* какого-либо другаго можетъ ужиться съ теоріей, видящей смыслъ и задачу жизни въ приспособленіи. А между тѣмъ *практическое* господство его въ дѣйствительной жизни безспорно, и всѣ споры между детерминистами и индетерминистами въ теоріи—*здѣсь* не могли его поколебть и никогда не поколеблютъ.

[2]) Если у низшихъ животныхъ (у болѣе развитыхъ,—слоновъ, собакъ, лошадей, даже кошекъ, мы встрѣчаемъ уже зачатки своего рода эстетической потребности, игру съ предметами, которымъ придается повидимому *условное* значеніе и т. п.) мы можемъ еще объяснить все содержаніе ихъ жизни однимъ приспособленіемъ, можемъ смѣло отрицать всякое безкорыстное, неутилитарное идеальное стремленіе, то слѣдуетъ-ли намъ *въ нихъ* видѣть образецъ для себя? Вѣдь, словами *Лотце:* кто возьметъ себѣ руководителемъ природу животныхъ, дойдетъ съ этимъ только до сознательнаго скотства, а ужъ отнюдь не до человѣчности (Микрокосмъ р. пер. II, 435). Вопросъ въ томъ; идти-ли намъ *къ* обезьянѣ (ей вѣдь тоже въ ея жизни все ясно!) или—*отъ* обезьяны?

жизни, и слагается въ наше время преимущественно представленіе объ идеальномъ строѣ жизни, „составляющемъ задачу и конечное оправданіе историческаго процесса“. Оно даетъ нашему времени мѣрило прогресса или регресса жизни у большинства современныхъ писателей, ищущихъ въ исторіи не развитія, составляющаго само себѣ цѣль и внутреннее оправданіе отдѣльныхъ существованій и эпохъ, но *прогресса*, приближенія жизни къ какому-то конечному и будтобы совершеннѣйшему состоянію. Это состояніе представляется имъ, какъ мы видѣли, въ формѣ состоянія совершенной, не оставляющей уже болѣе ничего желать, приспособленности человѣка къ средѣ (неорганической и надъ—органической) и этой среды — къ человѣку. Средства, которыми осуществляется такая приспособленность, воспитывающія къ ней постепенно человѣчество: развитіе и распространеніе положительнаго знанія съ одной стороны и—цѣлесообразная организація эгалитарно-либеральныхъ формъ общежитія съ другой. Результатъ: безтрудность, миръ, благоденствіе, равенство и полная раціональность жизни, очищенной отъ всего безполезнаго—и отъ великихъ людей и отъ всякихъ страстей, неосуществимыхъ порывовъ и идеаловъ.

Анти-историческій характеръ изложенной теоріи прогресса настолько очевиденъ, что на немъ едва-ли есть надобность настаивать. Сказать, что задача исторіи есть упраздненіе исторіи,—не все-ли это равно, что сказать, что задача жизни есть смерть?! Конечно жизнь неизбѣжно *кончается* смертью, какъ и исторіи человѣчества, какъ и свѣту согрѣвающаго землю солнца долженъ когда-нибудь наступить конецъ. Но *конецъ* чего-либо не есть конечно ео ipso *цѣль*, *задача* и *оправданіе* того, что кончилось. Какъ смерть, конецъ земной жизни, можетъ представляться *оправданіемъ* ея лишь тому, кто въ смерти видитъ лишь переходъ къ иной, высшей и лучшей жизни, тому-же кто въ загробную жизнь не вѣритъ,—тому и земная жизнь, никогда не осуществляющая своей задачи, должна казаться безцѣльною игрой, „пустою и глупою шуткой“;—такъ и тотъ, кто видитъ задачу исторіи въ томъ лишь, чтобы она скорѣе кончилась, долженъ-бы сказать: „лучше-бы ея и вовсе *не было* уже сна-

чала!“ [1]) И это *говорили*.—Но конечно не *таковъ* долженъ быть отвѣтъ на вопросъ о *положительномъ смыслѣ* исторіи; это, напротивъ,—утвержденіе ея прямого *безсмыслія*!

Но теорія прогресса нетолько по существу своему не можетъ быть *историческою* теоріею,—чѣмъ однако притязаетъ быть; она кореннымъ образомъ грѣшитъ еще и во *всѣхъ* своихъ основныхъ началахъ. Эти начала, какъ мы видѣли, выражаются въ требованіи *раціоналистическаго*, *космополитическаго*, *уравнительнаго и автоматическаго* строя жизни. Но ни одно изъ этихъ требованій стольже въ дѣйствительности *неосуществимо*, какъ осуществленіе ни одного изъ нихъ и *нежелательно*.

Требованіе, чтобы строй жизни сдѣлался вполнѣ раціональнымъ, т. е. жизнь не содержала въ себѣ ничего, что не было-бы измышлено разумомъ или по крайней мѣрѣ санкціонировано имъ, со *своей* точки зрѣнія,—ничего слѣдовательно *чисто-положительнаго* (преданіе, религія, національное государство), естественно связано съ требованіемъ, чтобы самъ живущій этою жизнью человѣкъ сталъ *чисто-разсудочнымъ* существомъ. Но онъ и *не есть* чисто-разсудочное существо, и никогда *не можетъ* быть имъ по очень простой причинѣ. Эта причина—въ томъ, что *психологически*—разсудокъ, мышленіе, познаніе и т. п. вовсе не суть какія-либо *самодовлѣющія*, *основныя*, *самостоятельныя* состоянія или способности души. Психологія давно уже оставила внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что *всѣ* состоянія сознанія, отъ самыхъ простѣйшихъ и до самыхъ сложныхъ, могутъ возникать лишь на основаніи *волевой* дѣятельности. Самое элементарное состояніе сознанія, которое мы находимъ вездѣ, гдѣ есть хотя проблескъ жизни вообще, есть *самочувствіе*;—а оно зарождается лишь въ *дѣятельныхъ усиліяхъ*, напряженіяхъ, которыхъ совершающее ихъ существо *не можетъ не чувствовать*! *Ощущеніе* тоже дается намъ лишь тѣми органами, которыми мы можемъ произвольно двигать, которые снабжены сложными мускульными аппаратами (и

---

[1]) Такова мысль современнаго философа, Э. ф Гартманна, который *по-своему* правъ, находя „ребяческими“ мечтанія Ж. Ж. Руссо о возвращеніи культурнаго человѣчества къ его *до*-культурному состоянію, и предпочитая,—вполнѣ послѣдовательно, со своей точки зрѣнія,—возвращеніе ко времени *до* сотворенія міра („Phil. d. Unbew. p. 748“).

дают намъ много мускульныхъ ощущеній); самый богатый ими, самый подвижной изъ органовъ—глазъ - даетъ намъ и самыя ясныя и точныя ощущенія, а почти неподвижная (по произволу,—не дающая мышечныхъ ощущеній) печень и не доставляетъ намъ ничего, кромѣ смутныхъ *общихъ чувствъ*, да и то лишь—при заболѣваніи. Насколько-же всякій актъ собственно *мышленія* требуетъ, смотря по своей сложности, напряженія *вниманія*, — тоже волевой дѣятельности, — это всякому извѣстно. Вездѣ въ основѣ *познавательныхъ*, умственныхъ состояній души лежитъ *воля*, вѣдомая себѣ дѣятельность. *Она* такимъ образомъ, *а не умъ*, *есть первичное, основное въ душевной жизни*; и тотъ умъ, который теорія прогресса хочетъ сдѣлать самодовлѣющимъ и единственнымъ руководителемъ жизни, — есть въ дѣйствительности лишь *орудіе*, которое постепенно создаетъ себѣ воля для успѣшнѣйшаго, цѣлесообразнѣйшаго осуществленія *своей* собственной задачи. Умъ самъ по себѣ ничего не *полагаетъ*, но познаетъ то, что *ему* положено; онъ и не *направляетъ* волю, но лишь такъ сказать освѣщаетъ ей избранный *ею самою* путь. Онъ—чисто *формальное* начало, само по себѣ,— не направленное волею,--безразличное, какъ безразличенъ, ни вреденъ ни полезенъ, и динамитъ, пока его какая либо воля не заставитъ служить дурной или хорошей цѣли. И *ему* то при этомъ быть верховнымъ распорядителемъ жизни.....?!

Тамъ, гдѣ умъ дѣйствительно, *сложившись* однажды подъ творческимъ давленіемъ воли, оттѣсняетъ ее въ душѣ на задній планъ и *становится* такимъ самостоятельнымъ распорядителемъ,—тамъ его исключительное верховенство и приводитъ всегда къ весьма-плачевнымъ послѣдствіямъ. Почему мы находимъ тѣхъ людей о которыхъ говоримъ, что они „*живутъ исключительно умомъ*“,—бездушными, холодными, черствами, сухими, и скучными? почему индійскій браминъ только *послѣ* того какъ онъ все въ жизни испыталъ, все передѣлалъ, *узналъ и понялъ* въ кругѣ своей жизни, отправляется въ пустыню, и - отправляется ожидать *смерти* вмѣсто того чтобы обогативъ свой умъ, умудрясь опытомъ, съ большею энергіею, *дѣятельнѣе жить?* Почему и каждый изъ насъ *къ старости*, по мѣрѣ того какъ ему все въ кругѣ пережитого имъ становится яснѣе, понятнѣе, какъ умъ беретъ у него перевѣсть

надъ прочими силами души, постепенно утрачиваетъ и теплоту чувства и *интересъ* къ жизни, безъ котораго поддерживать необходимую для жизни энергію можетъ лишь безстрастное и не всѣмъ данное чувство *долга*? Почему все это?

Въ отвѣтъ напомню вамъ мм. гг., одинъ изъ основныхъ психологическихъ законовъ. Онъ гласитъ: „душевныя состоянія имѣютъ тѣмъ *менѣе волнующій* насъ характеръ, чѣмъ они *сознательнѣе*". Чѣмъ *яснѣе* сознаніе, тѣмъ менѣе душевнаго волненія, *тѣмъ менѣе чувствва* (*сравните въ этомъ отношеніи* зрѣніе, обоняніе, чувства боли). Въ душѣ, въ которой осталось-бы *одно* сознаніе, *одинъ* умъ,—вовсе исчезло-бы, по этому закону, *чувство* А что придаетъ теплоту и интересъ жизни, энергію волѣ, какъ *не чувство именно?* И мудрено-ли послѣ этого, если исключительное развитіе въ обществѣ-ли (старыя общества: Римъ нпр.) въ лицѣ-ли (старые люди) *ума, сознательности,* всегда болѣе или менѣе сопровождается ослабленіемъ энергіи воли, скукою и утомленіемъ жизнью? Тѣ, кого поддерживаетъ чувство *долга*, могутъ еще при этомъ жить и дѣйствовать далѣе, но тѣ, у кого этого чувства нѣтъ—естественно склоняются къ *отрицанію жизни.* Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые нессимисты [1]). И прибавлю—не даромъ *чистый раціонализмъ* [2]) всегда кончался и не могъ не кончаться отрицательными выводами.

Но если раціонализмъ невѣренъ психологически, а господство его на практикѣ приводитъ къ чисто-отрицательнымъ результатамъ, къ безплодному критицизму и скептицизму, къ *обезцѣненію* жизни и *ослабленію* жизненной энергіи человѣка,—если поэтому *неосуществимы* сколько-либо прочно ни чисто раціональный (чуждый всякихъ положительныхъ началъ) строй жизни ни исключительно *разсудочный*, чуждый страсти, чувства и вѣры человѣкъ,-то въ равной мѣрѣ никогда неосу-

---

[1]) Напомнимъ одно изъ основныхъ положеній *Э. ф. Гартманнова* нессимизма: „чѣмъ жизнь сознательнѣе, тѣмъ она несчастнѣе". Если въ этомъ положеніи и высказывается истина, то лишь въ томъ смыслѣ, какой мы сейчасъ старались выяснить (т. е. въ смыслѣ ослабленія чувства, энергіи, интереса къ жизни), но отнюдь не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему самъ Гартманнъ, видящій въ развитіи сознанія параллельное ему „разрушеніе иллюзій," которыми только будто-бы и заманиваетъ насъ жизнь.

[2]) Не имѣя возможности развивать здѣсь эту мысль, сошлюсь на книгу *В. С. Соловьева.* „Критика отвлеченныхъ началъ".

ществимы прочно въ жизни ни *космополитическій ея* строй, ни *равенство*.

Оба возможны лишь въ *такой* жизни и для *такихъ* людей, въ которыхъ ничего нѣтъ кромѣ чисто-раціональнаго, обще-разсудачнаго. Водворенію обоихъ безусловно враждебно все *положительное*, нераціональное и въ строѣ жизни и въ душѣ человѣческой: и національное, данное помимо договора и критики государство, и историческое откровенное вѣрованіе и церковь и преданіе, и всякая *особенность* чувства, народнаго, родоваго, семейнаго или личнаго характера. Все это — только *дано*, человѣку, положительно; все это только *ограничиваетъ его личный* умъ, разсудокъ, давая его дѣятельности *не отъ него уже зависящее направленіе* и окраску, внося въ жизнь начало обособленія, индивидуальности и разнообразія, а такъ какъ *разнообразіе* есть первое условіе развитія, исторіи, то и — возможность самаго развитія, самой исторіи. Раціонализмъ, вращающійся въ области *общихъ* безличныхъ понятій и формъ, или заимствующихъ свое содержаніе отвнѣ, или вовсе безсодержательныхъ, естественно *возстаетъ* противъ всѣхъ этихъ положительныхъ, *разнообразящихъ жизнь и мѣшающихъ водворенію равенства началъ*. Мы уже говорили выше о замѣнѣ въ теоріи прогресса историческаго, національнаго *государства* — союзомъ договорныхъ, космополитическихъ *общинъ*. *Вѣрованія* для этой теоріи, начиная отъ Лессинга и до Бокля также должны отступать на задній планъ по мѣрѣ завоеваній, успѣховъ знаній *разума* [1]). Бокль даже отождествляетъ *вѣру*, такъ какъ въ основѣ ея нѣтъ разсудочной критики, — съ суевѣріемъ, преобладаніемъ воображенія надъ разумомъ. И относительно *преданія* Бокль считаетъ всякое уменьшеніе уваженія къ преданію, къ историческому прошлому, за шагъ впередъ по пути прогресса [2]). Какую малую цѣну придаетъ все это направленіе безполезному искусству и *чувству*, такъ постоянно обманывающему всѣ ра-

---

[1]) Напр. у Лессинга: Die Ausbildung geoffenbarter. Wahrheiten in Vernunftwahrheiten ist schlechterdings nothwendig .. Als sie geoffenbart waren, waren sie freilich noch nicht Vernunftwahrheiten, aber siew urden geoffenbart um es zuwerden (Wercke VIII, 67).

[2]) Изъ всѣхъ разнообразныхъ путей, которыми воображеніе искажаетъ истину, самый вредный — преувеличенное уваженіе къ прошедшему. Это уваженіе противно всѣмъ началамъ разсудка и есть ничто иное, какъ снисходительность поэтиче-

счеты ума, такъ *нераціональному*, всѣмъ хорошо извѣстно [1]); доходитъ дѣло даже до протеста противъ національнаго, не сочиненнаго сразу *языка* и до проэктовъ созданія одного общечеловѣческаго языка! Но такой языкъ уже существуетъ — это—*цифры*, банкирскіе счеты; только едва ли *этимъ* языкомъ можно выразить какую либо глубокую мысль, или — написать поэтическое произведеніе! Но отъ всего этого *нераціональнаго* человѣчество никогда не можетъ отказаться, безъ него оно не *можетъ жить*! Космополитическая тенденція, враждебная ему — не разъ уже осуществлялась въ исторіи, и всегда кончалась—*смертью*: такъ въ міровластительномъ Римѣ, который разрушился, какъ скоро соединилъ въ себѣ *весь* міръ; такъ, по библейскому сказанію, и въ Вавилонѣ, все — соединившемъ въ одной общей работѣ и приведшемъ къ „смѣшенію языковъ", къ одичанію [2]). Что же касается до *равенства* [3]), то оно никогда еще не было осуществлено въ *культурномъ* обществѣ; если же бы и осуществилось когда-либо, то *развитіе*, исторія, стали бы вмѣстѣ съ тѣмъ невозможны, а личная жизнь, лишенная иниціативы и характера, утратила бы для самихъ ея носителей весь

скаго чувства ко всему неизвѣстному, отдаленному. Вотъ почему въ эпохи, когда разумъ былъ сравнительно говоря, бездѣятельнѣе, это чувство было сильнѣе, чѣмъ теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что ослабленіе будетъ продолжаться, постоянно возрастая, и что въ той же самой мѣрѣ будетъ усиливаться сознаніе прогресса, такъ что мѣсто уваженія къ прошедшему заступитъ надежда на будущее (*Исторія цивилизаціи въ Англіи*, р. п. 100—101).

[1]) У того же Бокля ср. любопытныя разсужденія о томъ, что такое литература („литература сама — по себѣ дѣло пустое"), каковы ея задачи и т. п. въ той же книгѣ сс. 198—199.

[2]) На этотъ счетъ много хорошихъ замѣчаній можно встрѣтить у *Канта* (Werke. ed Hart. IV pp. 356, 298 и д.).

[3]) Наиболѣе талантливый изъ проповѣдниковъ *равенства* — несомнѣнно Прудонъ. И народы и государства, по его теоріи, гибнутъ вслѣдствіе преобладанія въ ихъ жизни *идеала* (l'absolu) надъ справедливостью, равенствомъ и — крѣпнутъ и блаженствуютъ, благодаря преобладанію справедливости, равенства надъ идеаломъ. Поэтому—прогрессъ есть *элиминація* изъ жизни идеала и торжество равенства. А такъ какъ кульминаціонный пунктъ всѣхъ идеаловъ есть идея Бога, то прогрессъ есть—rétrogradation de Dieu, а его лозунгъ—guerre à Dieu! Вся задача жизни для Прудона формулируется какъ élimination de l'absolu la purgation des idées, la balance du moi par le moi, qui veut dire—la réduction de toutes les théories sociales, politiques, économiques, réligieuses, à l'égalité pure (этюдъ 7-й de la Justice etc. p. 124).

свой *интересъ*. Съ этимъ соглашается — это проповѣдуетъ даже такой прогрессистъ, какъ Д. Ст. Милль [1]).

Наименѣе сомнѣній можетъ возбуждать *несосуществимость* и *нежелательность автоматическаго* строя и общественной жизни и внутренняго міра самого человѣка. *Чѣмъ* привлекаетъ къ себѣ, спрашивается, этотъ идеалъ автоматически, безъ всякихъ колебаній и нарушеній выполняющаго свои отправленія общественнаго строя? Конечно — лишь своей полной *раціональностью, правильностью и безошибочностью*. Положимъ, что въ дѣйствіяхъ автомата не можетъ дѣйствительно быть ни нераціональности, ни неправильности ни ошибки. Ошибаются, колеблются, совершаютъ и преступленія и глупости только *живыя, сознательныя* и руководящіяся въ своихъ дѣйствіяхъ сознаніемъ существа. Но *они же одни и чувствуютъ*,—для нихъ однихъ ихъ жизнь и имѣетъ *смыслъ и цѣну*. Всѣ мы знаемъ, какъ всякая наша дѣятельность, по мѣрѣ того, какъ она становится болѣе *привычною*, совершается нами все *легче, правильнѣе и автоматичнѣе*,—но и доставляетъ намъ все—менѣе и менѣе ощущеній и чувствъ, все—менѣе даетъ *пищи* и интереса нашей душевной жизни, переходя наконецъ въ почти безсознательный, *механически и безъинтересно* для насъ проявляющійся инстинктъ. И такими-то, не дающими душѣ никакой пищи и содержанія, безсознательными и безъинтересными, хотя и *безъ труда и ошибки* выполняемыми инстинктами хотятъ замѣнить нашу сознательную,— а потому открывающую возможность и ошибки и подвига и преступленія,—но исполненную *для насъ интереса, цѣнную* намъ жизнь!? Ошибокъ тогда конечно не будетъ, какъ не будетъ и подвига, и самаго интереса и сознанія о ней.

Но *чѣмъ* же и *для чего* жить тогда человѣку, обращенному въ совершеннаго, безошибочнаго автомата, и лишенному всего интереса въ жизни, всѣхъ ощущеній и чувствъ своихъ, всего богатства своего духа? Правильностью и раціональностью своей жизни.....?! Но *для чего* онѣ? Могутъ ли онѣ *сами по себѣ* придавать смыслъ и цѣну жизни для автоматически, безсознательно переживающихъ ее существъ? Конечно нѣтъ. Смыслъ и цѣнность имѣютъ жизнь и самый міръ лишь по скольку они, — раціональны они или нѣтъ, правильны или неправильны, — но *сами* сознаютъ, чув-

[1]) Въ О „Свободѣ“.

ствуютъ и цѣнятъ свою жизнь. Отнимите у міра и у человѣка, автоматизировавъ ихъ, это сознаніе *своей* жизни, *цѣнность* ея для нихъ, — и самое существованіе ихъ утратитъ смыслъ и возможность оправданія, обратится въ" пустую и глупую шутку. „*Для чего нужна жизнь, если она сама себѣ не нужна?*!

Что *развитіе и исторія* невозможны для человѣка и общества, ставшихъ автоматами, — это несомнѣнно: автоматъ только *повторяетъ* тождественныя движенія. Такимъ образомъ и съ этой стороны теорія прогресса представляется не формою *историческаго*, но формою *анти-историческаго* пониманія. Но даетъ *это* соображеніе — основаніе осудить ее лишь въ томъ случаѣ конечно, если для насъ несомнѣнно, что *сама исторія* дѣйствительно *нужна*, *необходима* для человѣка, чтобы онъ жилъ человѣчно. Итакъ — послѣдній вопросъ: *нужна ли* намъ дѣйствительно исторія? Не лучше ли намъ вовсе безъ нея, безъ ея сложныхъ задачъ, заботъ, тревогъ и тяжелыхъ стѣсненій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я старался дать вамъ, мм. гг. уже въ предшествующей лекціи. Да; исторія *нужна* человѣку; безъ нея жизнь для него, разъ онъ вышелъ изъ первобытной дикости, *невозможна*, *невыносима*. Сознающее себя существо, каковъ человѣкъ всегда и вездѣ, не можетъ жить, не стремясь *устроять* свою жизнь; и въ тоже время онъ ежемгновенно убѣждается въ *невозможности* устроить ее вполнѣ по своимъ разсчетамъ. Сознающее себя существо не можетъ дѣйствовать иначе какъ по *своимъ* цѣлямъ, *своимъ* понятіямъ о должномъ, желательномъ и цѣнномъ; *зная* это, человѣкъ не можетъ считать себя вовсе безотвѣтственнымъ за свои судьбы, — но онъ въ тоже время не въ состояніи и принять на себя *всю* эту тяжелую отвѣтственность. Человѣкъ не можетъ довольствоваться, какъ сознающее существо, тѣмъ только, что онъ *живетъ*, но ему нужно и *оправдать* передъ собою свою жизнь. *Пока* онъ сознаетъ себя, и *потому* что онъ сознаетъ себя, ему нужны такимъ образомъ и *опора*, и *руководство* и *оправданіе*. И *ничего то* этого не находитъ, онъ и не можетъ найти въ *себѣ самомъ* — въ собственномъ сознаніи; онъ себѣ роковымъ образомъ *не довѣряетъ*! Восполнить эту его ограниченность, дать ему эту жизненно-необходимую опору, это руководство и оправданіе

можетъ только *сознанная связь его съ тѣмъ, что внѣ его, выше его, и руководитъ его судьбами, направляетъ ихъ.* Такую сознанную связь съ *высшимъ*, дающимъ ему опору, руководство и оправданіе, и находитъ человѣкъ, съ одной стороны — въ *положительной религіи*, а съ другой — въ *исторіи*, съ ея положительными началами, — въ сознаніи себя звеномъ въ развитіи великаго цѣлаго человѣчества, съ любовью продолжающимъ не имъ начатое, завѣщанное ему,— и не съ нимъ кончающееся дѣло, какъ и въ оправданіи своихъ судебъ *этимъ* именно сознаніемъ. Понятно поэтому, мм. гг., что *внѣ* исторіи и религіи, внѣ положительныхъ началъ жизни сознающему себя человѣку и „жить скучно и умирать страшно".

А не этими ли послѣдними словами именно—всего лучше можно охарактеризовать душевное состояніе вполнѣ—современнаго человѣка, сохранившаго лишь способность къ критикѣ и отрицанію,—къ скукѣ, страху и отчаянію,—потерявшаго и всѣ свои *положительные* идеалы и самый смыслъ „положительнаго" и самое даже сознаніе жизненной необходимости жить *исторически*?!

Пусть человѣкъ, поставившій себя *внѣ всѣхъ этихъ* связей и опоръ, замкнувшійся въ гордомъ одиночествѣ своего самодовольнаго разсудка, не желающій знать ни прошлаго ни будущаго, живущій только собою и для себя,— отказавшійся отъ всякаго инаго оправданія своего случайнаго торжества или своей случайной гибели кромѣ того, что они *совершились*, и съ презрѣніемъ отвергшій всякую опору и руководство, кромѣ заимствованныхъ имъ изъ самаго себя,— самодовольнаго и самодержавнаго — и мнитъ себя *на высотѣ!* Но на этой высотѣ такъ тоскливо, одиноко, такъ холодно и такъ мертвенно и безнадежно, — такъ не *отъ кого* и не *откуда* тамъ ждать отвѣта на всѣ самые жаркіе и мучительные вопросы и запросы души, которыхъ намъ никогда не заглушить въ себѣ! Нѣтъ; тотъ, кто еще *хочетъ* жить и дѣйствовать, кто хочетъ *надѣяться* и стремиться и любить,—тотъ не пойдетъ на эту мертвую высоту. Кончу безсмертными словами Гете:

Wer nicht mehr liebt und nicht mehr irrt,
Der lasse sich begraben!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА